

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей
Лузин

Настька. Не
такая, как все

Сергей Лузин

Настька. Не такая, как все

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56960525

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда в детстве Настя постоянно дружила только с мальчиками, ей часто говорили: "Ты же девочка, как так можно?" Никто не думал, что однажды она воспримет эту фразу слишком буквально.

Содержит нецензурную брань.

Сергей Лузин

Настька. Не такая, как все

Настька. Не такая, как все

«Грязный» роман

Воспоминания о прежних, счастливых и беззаботных днях медленной рекой текут в моей голове. Переживая снова и снова эти моменты, я чувствую себя по-настоящему молодым. И, прокрутив жизнь словно киноплёнку, как поется в известной песне, на десять лет назад, я вижу деревню, одну из самых обычных, в каких мы все часто проводили лето. Необычна она была лишь, пожалуй, тем, что особым образом была отрезана от внешнего мира. Из райцентра до нее можно было добраться только на машине по проселочной дороге, и то по пути заехав в пару канав или разбив колесо на ухабе. Поэтому народу там жило мало, в основном коренные жители, но бывали и городские приезжие. Зато летом для нас там было настоящее раздолье. Можно было ездить на велосипедах, купаться, загорать, ходить в лес за грибами – словом, не надо лишний раз подробно описывать все прелести сельской жизни. Но мы, дети, особенно любили, собравшись в одну компанию, играть в различные игры. Так, за околицей мы расчистили от травы большой кусок поля, поставили на нем

выстроганные из палок и досок ворота и почти каждый день играли в футбол. Среди нас была лишь одна девчонка, Настя, белокурое девятилетнее создание, сущий ангел во плоти, как мне тогда казалось. Но она старалась играть с нами во все игры и порой не уступала нам, мальчишкам, ни в чем. Правда, в футболе мы обычно ставили ее на ворота, зная, что в отнимании и пасовке мяча от нее будет мало пользы. Но она и на воротах справлялась довольно неплохо, и редко когда команде противника удавалось выиграть. В случае же проигрыша никто никогда ее не ругал, как если бы на ее месте был парень. И вот был обычный день, игра шла своим чередом, солнце ярко светило, зеленела густая трава за пределами поля, мяч то и дело улетал в нее, но Настя каждый раз самоотверженно лезла туда и возвращала его на поле. Но в этот раз преимущество явно было не в нашу с ней пользу, должно быть, потому что солнце светило Насте-вратарю в глаза. И вот, когда команда противника в очередной раз прорвалась к нашим воротам, Вася, неофициальный деревенский лидер и капитан команды, дал верхний пас толстому и неуклюжему Паше, которого в деревне не любили за его жадность и высокомерие. Тот недолго думая двинул по мячу локтем, загнав его в ворота.

– Не считается! – закричала Настя. – Рукой нельзя!

– Хуйня, считается! – нагло ответил Паша. – Рука прижатая была!

Сокомандники поддержали его, хотя все прекрасно виде-

ли, что рука не была прижата. Возможно, не хотели так просто уступать девчонке.

– Не считается! – гневно повторила Настя. С ней согласились я и еще двое парней из нашей команды.

– Не слушайте ее, пацаны! Она не видела нихуя, ей солнце в глаза светило! – заспорил Паша.

– Не считается! – снова крикнула Настя, готовая до конца стоять на своем.

– А ну заткнись, дура, все считается! – закричал в ответ Паша.

– Сам дурак! Не считается! – упрямо твердила она.

Вокруг спорящих уже собрались все игроки, и даже те, кто с самого начала были безразличны к происходящему, теперь кричали вразнобой. Однако мы оставались в меньшинстве, потому как Васю, поддержавшего Пашу, многие уважали. Скоро уже я один защищал Настю, но вскоре был вынужден замолчать, так как испугался, что меня потом станут за это дразнить. Настя же продолжала стоять на своем, гневно топая маленькой ножкой и повторяя: «Не считается! Я все видела!» На глазах ее от обиды появились слезы, и Паша, увидев это, злорадно закричал:

– Ну давай, зареви еще, дура! Сама ноги раздвинула, вот и пропустила!

У меня перед глазами до сих пор стоит эта сцена: толстый, нахально ржущий парень и маленькая девочка со светлыми растрепанными волосами, в коротком розовом платице и с

босыми загорелыми ногами (как и многие в деревне, она целое лето ходила босиком) стояли друг напротив друга, готовясь к схватке. Не знаю, что имел в виду Паша, но Настю сильно задело его слова. Встав в боевую стойку, она вытащила из ушей сережки, единственное украшение, что она тогда носила, и отдала их в руке Леше, доброму, но слегка лоховатому парню, который стоял ближе всех к ней. Все вокруг загоготали, раздались восклицания: «Ого, сейчас битва будет!» «Давай, Настька, покажи ему!» И, как только она схватила противника за шею своими слабыми ручонками и с неожиданной силой повалила на землю, по толпе пронесся изумленно-восхищенный гул. Настя и Паша катались по траве, сплетаясь в клубок, он изо всех сил пытался оттолкнуть ее от себя, она же вцепилась в него как клещ и с визгом лупила по толстым бокам худыми ногами, а все вокруг радостно скандировало: «Настя! Настя! Давай, всыпь толстому!» Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы не появление взрослого. Наш сосед, ехавший на велосипеде в лес за грибами мимо поля, увидел толпу, услышал крики и сразу кинулся к нам. С большим трудом ему удалось разнять дравшихся. Когда Паша поднялся на ноги, все лицо его было расцарапано острыми Настиными ногтями, удивительно еще, как она не выцарапала ему глаза. Теперь он сам ревел как девчонка, а все мы громко смеялись над ним. После того случая Пашу в деревне окончательно перестали уважать.

Разумеется, новость о драке быстро разнеслась по всей

деревне. Пашин отец, стодвадцатикилограммовый мужик, прибежал к тете Лене, Настиной маме, брызгал слюной и матерился так, что слышно было на всей единственной улице. Сама Настя в это время, сидя под замком в старой бане, только усмехалась. Надо заметить, что на даче у них тогда жили одни женщины: Настины мама, бабушка, тетя и старшая двоюродная сестра. Возможно, поэтому ее и не смогли наказать по-настоящему. Вместо этого все они собрались в главной комнате дома, которую в старину называли горницей, и принялись каждая по-своему читать «маленькой хулиганке» нотации.

– А если бы ты ему и правда в глаз пальцем попала? Знаешь, что бы тогда было? – спрашивала ее старшая сестра Ира.

– Да я считаю, что ей вообще нужно запретить с этими мальчишками играть в футбол! – возмущалась мать. – Как будто бы других дел летом не найти!

– Да, вот именно, – соглашалась ее сестра, Настина тетя. – Настя, как так можно? Ты же девочка!

«Ты же девочка», «Тебе же так нельзя» – эти фразы ей потом приходилось слышать довольно часто и, возможно, это и повлияло на нее в дальнейшем. В конце концов, устав от нравоучений, она заткнула уши и убежала в лес. С трудом ее потом нашли, свернувшуюся под кустом и мирно спавшую.

Через два-три дня после того случая мы с Настей сидели на высоком дереве на самом краю обрыва над рекой. Поза-

ди нас шумел сосновый лес, разделявший реку и деревню, у другого берега медленно скользила моторная лодка с двумя рыбаками в ней. Если не считать этих рыбаков, мы с Настей были *совершенно одни!* Но в те времена мне и в голову не могло прийти никаких запретных мыслей. Настя просто нравилась мне – как друг, как девочка, совсем не в грязном смысле.

Была пасмурная погода, приближалась гроза, ветер раскачивал сосны и особенно нашу плакучую иву, неизвестно как занесенную в эти края. Мы сидели как раз на той ветке, которая дальше других выступала над водой. В этом и была вся фишка – забраться в то место, где было опаснее всего. И, когда налетал очередной порыв ветра, мне становилось порой так страшно, что я собирался слезть, но, глядя на Настю, которая как ни в чем не бывало сидела почти на самом краю ветки и беззаботно болтала ногами, я успокаивался и продолжал смотреть сквозь листву вдаль, на другой берег и на затянутое тучами небо. В такие моменты было особенно приятно поговорить о чем-нибудь.

В деревне уже поползли слухи о том, что Паша уехал с родителями в город, в больницу. Однако совсем недавно, проходя мимо его дома, я видел, как он гулял по садику, а лицо его было крест-накрест обклеено длинными пластырями. Увидев меня, он тут же смылся.

– А! Пашка дурак и слабак! – сказала мне на это Настя. – Если бы не дядя Гриша, я бы ему еще и не так всыпала!

– Он не дурак, а подлец, – возразил я. – Девочек ведь нельзя обзывать, нас всех этому еще в садике учили.

– А я бы даже хотела родиться мальчиком, – призналась вдруг Настя. – Вы хорошие, честные, с вами можно по-настоящему дружить, вы не как девчонки, не цепляетесь к разным мелочам. А если вас обидят, можете и дать сдачи как следует. Все прямо как я мечтала.

Не помню, тогда ли это было или после, но она вдруг рассказала мне (видимо, по секрету) о том, как задолго до того случая Пашка завел ее в лесную чащу, где никого не было, и, сняв с нее трусики, «полизал ей писю». Много лет спустя я с ужасом вспоминал об этом, тогда же я понял, из-за чего произошла та ссора между ними и, признаться, даже стал завидовать толстяку.

Вот налетел особенно мощный порыв ветра, а Настя раскачала ветку, на которой мы сидели, с такой силой, что я чуть не наложил в штаны. Но боязнь опозориться перед девчонкой, пусть даже и перед *такой*, в очередной раз удержала меня от ухода.

– Интересно, а как наши родители поженились? – вдруг задумчиво спросила Настя. – Ну то есть, как получилось так, что они дружили-дружили, ну вот как мы с тобой, а потом раз – и уже навсегда вместе? И как вообще потом мы у них появились?

– Маленькая ты еще, – ответил я (хоть я был старше ее всего на два года, но считал себя уже взрослым, во всяком

случае, в таких вопросах уже разбирался). – Когда вырастешь – узнаешь.

Она засмеялась своим звонким заливистым смехом.

– А когда я вырасту, я на тебе женюсь, – сказала вдруг она с совершенно серьезным выражением. – А что? Ты хороший, добрый, лучше их всех.

– Дурочка, – сказал я ей на это. – Девочки не женятся, они замуж выходят.

Она только улыбнулась в ответ, а, когда я взглянул на реку, внезапно наклонилась ко мне и поцеловала в щеку. Я недоуменно уставился на нее, ведь никто меня раньше еще не целовал. Она же снова засмеялась и отвернулась. Меж тем загремел гром; пора было уходить. Пока я осторожно слезал с ивы, нащупывая ногами ветки, Настя с обезьяньей ловкостью спустилась вниз, хватаясь за ветки одними только руками. К тому времени, как я оказался на земле, она давно уже стояла там, пританцовывая на месте.

Надо сказать, ее мать сдержала свое обещание и запретила дочке играть в футбол с нами. Ира должна была строго следить за тем, чтобы она не появлялась на поле. Но Настя, как всегда, нашла из этого выход. Придя на поле, она не стала играть, а села в густую траву и оттуда наблюдала за нами. Иногда даже, когда мяч улетал в ее сторону, она подавала его нам, как и раньше. Многие ее звали на поле, но она отказывалась, зная, что Ира ходит неподалеку и не упустит случая рассказать все матери. Солнце уже клонилось к горизонту, и

его багровые лучи просвечивали сквозь верхушки сосен того самого леса, где мы недавно гуляли. Несколько раз Ира прибежала на поле, звала сестру домой, но та каждый раз отрицательно мотала головой. Выглядело это примерно так:

Первый раз:

– Настя, иди домой! Стемнеет скоро!

Второй раз:

– Настя, домой скорее! Мама волнуется!

И третий:

– Насть, ну сколько можно? Ты специально над нами издеваешься? Домой, быстро, я сказала!

Уже сами пацаны начали подшучивать над ней, крича высокими голосами: «На-астя! Иди домой!» А Вася, пробегая мимо, весело крикнул:

– Настя, домой! А то письку застудишь!

Случайно или нет, но в тот день на ней было только ее вечное розовое платье, а под ним – ничего. И это было явно заметно. На Васин комментарий она ничего не ответила, только переменяла позу, сев так, что колени еще больше раздвинулись, и ее «хозяйство» стало видно еще лучше. Понятия не имею, зачем она это делала.

Наконец выведенная из терпения Ира схватила Настю за руку и практически силой утащила домой. Солнце меж тем окончательно зашло, мы забили еще пару голов и разошлись по домам.

На другой день рано утром Настя проснулась от какого-то

неприятного жжения в интимном месте. Жжение это было настолько сильным и непривычным для нее, что она даже заплакала, что в то время случалось с ней редко. Прибежавшие домашние по очереди осмотрели ее вагину и пришли в ужас: внутри нее к стенке присосался клещ. Паразита вытравили народным способом, с помощью нитки и подсолнечного масла, но теперь надо было везти ее в больницу в райцентр, сделать прививку и осмотреть место укуса. После бесчисленных женских охов, ахов, плачей и восклицаний, среди которых укушенная выглядела самой спокойной, решено было бежать к соседу, у которого была машина, и просить его довезти их до больницы. По случайному совпадению этим соседом оказался мой отец. Я помню, как на его вопрос: «А куда ее укусил-то?» женщины смущенно пробормотали что-то невразумительное. В конце концов отправились: вместе с Настей ехали ее мать и тетя, жившая в райцентре и хорошо знавшая его. Поехал и я, просто за компанию и еще потому, что мне наскучила деревня. Лежа на заднем сиденье, головой на маминых коленях, Настя смотрела в окно на пронесившиеся мимо верхушки деревьев и серое небо и не думала ни о чем. Вообще ни о чем.

В инфекционном отделении ей сделали прививку и отправили в гинекологию. Лежа на простой кушетке (ибо специального кресла в этой убогой местной лечебнице не было), Настя теперь думала о том, как глупо она вчера поступила, из-за чего ей пришлось оказаться здесь, среди неудобных вы-

скобленных стен, на жесткой кушетке, под окном, за которым виднелось все то же самое: вершины сосен, свинцовое небо... Вдруг дверь распахнулась и вошел человек в белом халате. Настя поглядела ему в лицо, и ей вдруг стало страшно. Это был самый обычный врач, к которому в другое время, встретив его где-нибудь в больнице, она бы отнеслась вполне нормально, если не сказать – безразлично. Но это был совсем еще молодой парень, студент-практикант или интерн. Со сладкой и, как показалось Насте, плотоядной улыбочкой на губах он подошел к кушетке, протягивая вперед белые пухлые и, должно быть, мягкие руки... Вне себя от ужаса Настя отодвинулась назад и открыла было рот, чтобы закричать, но, к счастью, в этот момент дверь снова отворилась и в кабинет вошла пожилая толстая врачиха в огромных очках.

– Ну, чего встал? – сказала она застывшему в нерешительности парню. – Иди в подсобку, помоги Михалычу. Я сама ее тут посмотрю.

Когда медик вышел, Настя вздохнула с облегчением. Врачиха осмотрела ее, то и дело отпуская грубые шуточные замечания, затем помазала чем-то внутри и, легонько подтолкнув пациентку к двери, сказала:

– Ну, беги! До свадьбы точно заживет!

По дороге домой Настя думала о том наваждении, которое нашло на нее во время прихода молодого врача. А может, стоило просто-напросто расслабиться и покориться ему? Она поведала об этом случае только мне одному, на на-

шей заветной иве. Но, увы, в те времена я ничем не мог ей помочь.

Прошло лето, и Настя пошла в пятый класс, считая себя уже достаточно взрослой. Первого сентября она узнала, что в их класс перевели нового мальчика.

– А он ничего такой, мне даже нравится, – толкнув ее локтем, сказала Полина, ее соседка по парте и лучшая подруга.

Взглянув на новенького, Настя поняла, что подружка права. У него были темно-каштановые волосы, красивые, с оливковым блеском, глаза и румяные щеки. Стесняясь нового коллектива, он сидел за партой в одиночестве и смущенно глядел по сторонам. Губы его, когда он чему-то удивлялся, слегка раздвигались, и от этого он становился еще красивее. Звали нового мальчика Денисом.

С этих пор, сама не зная почему, Настя стала следить за своей красотой. Все чаще она теперь надевала мини-юбки и туфли на каблуках. Прежде она носила только серьги, теперь же стала надевать и кольца, а на день рождения даже выпросила у матери золотую цепочку. Потихоньку она пробиралась в комнату родителей и часами красилась перед зеркалом маминой косметикой. Она любила также нюхать ее духи, а потом прыскать ими на себя: ей казалось, что так она запросто привлечет внимание любого мальчика. Когда мать однажды застала ее за этим занятием, то поняла, что не сто-

ит противиться желаниям дочери, и купила ей собственную косметику.

На переменках она стала подходить к Денису, заговаривать с ним, спрашивать о разном. Он отвечал ей как-то неохотно, словно стесняясь. Но с Полиной он общался более свободно, и на переменах явно предпочитал ее компанию всем остальным. Тогда Настя и начала завидовать подруге. Во-первых, Полина была гораздо красивее ее, и для этого ей не требовались дорогие украшения, косметика и одежда. Во-вторых, она была отличницей и помогала с учебкой многим. Кроме того, она знала много всего интересного и умела быть отличной собеседницей. Не удивительно было, что Денис чаще смотрел на нее, чем на ее соседку. По этому поводу Настя даже несколько раз ссорилась с подругой.

– Зачем он тебе, вокруг и так полно парней, которым ты нравишься? Я что, по-твоему, зря должна тратить на все эти юбки, туфли, духи? – спрашивала она.

– Мне-то какое дело? Я с кем хочу, с тем и встречаюсь, – пожимала плечами Полина.

Окончательный удар по их дружбе был нанесен во время одной контрольной, когда Полина подняла руку и попросила у учительницы разрешения пересест к Денису, который по-прежнему сидел один. «Мне оттуда лучше будет видно», – сказала она, кинув косой взгляд на соседку. Весь урок они с Денисом о чем-то шептались и хихикали. Настя смотрела на них, и злоба все сильнее закипала в ее душе. Впервые

ей довелось столкнуться с предательством и неразделенной любовью одновременно. Она сдала пустую тетрадь и, уйдя с уроков, весь день слонялась по городу, который в этот пасмурный осенний день был сер и тих и словно бы вмещал все людские горести. Придя домой под вечер, она прошла в свою комнату, кинулась на кровать и прорыдала в подушку полночи.

С тех пор она думала только о том, как отомстить бывшей подруге и завоевать расположение Дениса. Вскоре удобный случай представился: Полина заболела и не явилась в школу. Настя быстро пересела за стол к Денису, и когда он, взглянув на нее, приоткрыл от изумления рот, она решительно и даже как-то нагло произнесла: «Мне отсюда лучше видно». Денис закрыл рот и отвернулся. Во время урока, когда училка что-то увлеченно рассказывала, Настя вдруг придвинулась к Денису совсем близко, так что разделяло их не больше двух сантиметров, и, взяв его правую руку, которая лежала у него на колене, под партой положила ее на свое колено. Денис застыл, и рот его открылся шире, чем обычно. Ладонь его ощущала не кожу, а лишь ткань колготок, но и этого было достаточно. Настя же, ничуть не смущаясь, повела его руку еще выше, под юбку. Тут он не выдержал и окончательно развернулся к ней, весь вспотев от напряжения. Ее лицо, ее губы были прямо перед ним, ее тело дышало ароматом свежести и духов, недоразвитая грудь из-под розовой кофточки тянулась к нему все ближе, рука его почти скрылась под джинсо-

вой мини-юбкой, он чувствовал, что больше не вытерпит... В этот момент раздался громкий голос учительницы, делавшей ему замечание за то, что он ее не слушает. Вконец смущенный и покрасневший до корней волос, он отвернулся от соседки, делая вид, что внимательно слушает урок. Но Настя точно знала: дело сделано, и потому смотрела вокруг с победным видом. И Денис правда покорился ей, он был совсем безвольным.

Когда Полина вернулась с больничного в школу, она была потрясена. Мальчик, который ей нравился, с которым у нее, можно сказать, все складывалось как нельзя лучше, сидел рядом с этой противной Настькой, а она болтала с ним так просто, как будто бы это он с ней встречался! Мало того, у нее хватило наглости закинуть ногу ему на колено, да еще и обхватить его ручонками за шею! Денис же сидел так, как будто все это было в порядке вещей, и даже искренне смеялся в ответ на ее самые глупые реплики. Вначале Полина даже не поверила этому, решила, что это чья-то глупая шутка, но потом, когда все одноклассники в один голос подтвердили увиденное ей, сомнений больше не осталось. Окончательно расстроенная и разочарованная, она перешла сначала в другой класс, а затем и вообще в другую школу. Больше Настя ее не видела. Сама же она стала гулять с Денисом после школы, ходить с ним в кино, приглашать к себе домой вместе делать уроки. Родители ее радовались, что наконец-то она начала дружить с мальчиками совсем в другом смысле, как обыч-

ные девочки. Хотя она была еще маленькой для этого, но в дальнейшем, они не сомневались, все это только пошло бы ей на пользу. Денис же таскался за ней не то чтобы неохотно, но как-то безразлично, словно пес на поводке. Даже с родителями и друзьями Насти, с которыми она его знакомила, он почти не разговаривал.

Однажды они вдвоем шли из школы. К тому времени уже наступила зима, все вокруг было завалено снегом, но не чистым и белым покрывалом, как на природе, а типично городским – грязным, склизким, неприятным на ощупь. Возле школы малышня слепила снеговика, по цвету почти сливавшегося с кирпичной стеной. На голову ему нахлобучили консервную банку, а вместо носа воткнули веточку. Настя с Денисом как раз миновали этого снеговика и гуськом шли по протоптанной в снегу тропинке. Слева была огороженная сеткой площадка для баскетбола, справа – высокий сугроб. Из-за него вдруг навстречу им выкатилась ватага мальчишек старше их на два-три года.

– О, гляньте, пацаны, хлюпик идет! – завопил один из них.

– О, здорово, хлюпик, как поживаешь? – загомонили все разом.

Тесным полукольцом они постепенно окружали застывшую в нерешительности парочку. Денис хлопал глазами, переводя взгляд с одного мальчугана на другого, и, как всегда, ничего не говорил.

– Эй, хлюпик, это твоя девчонка? Нам погонять дашь? –

глумливо крикнул один из пацанов.

– Вам чего надо? Пропустите нас! – гневно сверкнув на них глазами, воскликнула Настя.

– О, гляньте-ка, она хлюпика защищает! – крикнул стоявший ближе всех к ней парнишка с противным веснушчатым лицом. – Может, еще и драться вместо него будет?

В другое время, в другом месте и в другой обстановке она бы, несомненно, так и поступила. Но это был город, зима, и она была не одна. Всю ответственность должен был принять на себя ее кавалер. К тому же в ушах у Насти последнее время только и звучали родительские наставления Денису, когда он уходил из их дома: «Береги ее, Денис, защищай! Она девочка, она слабая, а ты сильный пол, ты ее всегда должен оберегать!» Поэтому она стояла и просто смотрела на «хлюпика», который должен был стать ее мужественным защитником. Он же стоял, опустив голову, и в самом деле хлюпал носом.

– Пацаны, чур я первый! – крикнул парнишка, первым назвавший Дениса хлюпиком и, резко подскочив к Насте сзади, толкнул ее в снег. Не успев ничего сообразить, она упала лицом вниз, а пацан прыгнул ей сверху на спину и, крепко обхватив руками, прижал к земле. Какое-то чутье подсказало Насте, что следует лежать так и не двигаться и даже не звать на помощь. Что происходило над ней, она не знала и не хотела знать, лишь видела перед собой кусок грязно-желтого снега и слышала какие-то крики и возню позади. По-

том внезапно тяжесть, придавливавшая ее к земле, исчезла, и, повернувшись, она увидела, как буйная ватага улепетывает со всех ног. Должно быть, заметили неподалеку взрослых или еще кого-то. Была ли эта встреча случайной или же этих мальчишек в отместку подослала Полина, Настя так и не узнала. Зато своего «хлюпика» она увидела сразу. Он лежал в сугробе, полузасыпанный снегом и приваленный сверху двумя тяжелыми портфелями – своим и ее. В этот момент, впрочем, он как раз поднимался на ноги, отряхивался, даже побежал к ней. Она же заревела, просто потому, что так было надо. Денис кинулся к ней, стал поднимать, успокаивать, хотя у самого по щекам текли слезы и нос по-прежнему хлюпал. Она сердито оттолкнула его, встала сама и, закинув за спину портфель, гордо и не оборачиваясь пошла домой.

Дома она еще чуть поплакала, а потом твердо решила завязать со всем этим и с Денисом в том числе. Он и раньше уже надоел ей до смерти, а тут как раз нашелся повод с ним порвать. И тут-то она почувствовала себя по-настоящему свободной девушкой.

Пришла весна, и Настя вместо прежних прогулок с парнями стала гулять с новой компанией. Эта компания была совсем не похожа на наше деревенское общество или на Настиных одноклассников. Большей частью в ней были парни, хотя и девчонки имелись тоже, многие из них были старше

Настя, с ними она могла спокойно поговорить о парнях и о других подростковых проблемах. В основном это были ее знакомые по двору или соседним улицам, совсем немногие учились в одной школе с ней. Они собирались у подъездов, во дворе или в более пустынных местах: около старой больницы и в заводских районах. Помню, как когда-то, проезжая по городу и видя при свете закатывающегося солнца или в сумерках и даже в темноте такие компании, тусовавшиеся на улицах и возле гаражей, я почему-то испытывал ощущение настоящей романтики, свободы и жизни без правил.

Лучшей подружкой из этой компании стала для Насти Светка, девочка на год старше ее. Она была ужасно некрасива, толстая и с прыщами на лице, но при этом с грудью, развитой не по годам, и носила бюстгальтер, вызывая этим зависть у многих девочек ее возраста. По ее словам, у нее было множество парней, и с каждым из них обязательно *было*. Настя знала, что, скорее всего, та сильно привирает в своих рассказах, но продолжала дружить с ней и чуть что обращаться за советом. К ней, да и к другим девчонкам из компании она могла запросто прийти домой и даже остаться ночевать. Родители ее, разумеется, не одобряли такой образ жизни дочери, но каждый раз, когда они начинали говорить ей об этом, она либо притворялась, что ничего не слышит, либо принималась уверять их, что ничего такого с ней не случится.

Однажды их компания сидела у подъезда поздно вечером, когда уже давно стемнело. Сверху горели только редкие огни

окон, снизу тлели кончики сигарет и мигала в машинах сигнализация. Делать было особо нечего, разговоры уже тоже не занимали, все темы были исчерпаны. Тут кто-то предложил: «А давайте бухнём?» Тут же со всех сторон раздались одобрительные и не совсем реплики:

– Давайте, я за.

– А чего брать будем?

– Не, давайте только не здесь, тут ментов полно.

– Короче, поднимите руки, кто «за»!

– Да нихуя, давайте просто скидываться! С каждого по сотке, вот и набралось. Будут бухать, не будут, какая разница – нам больше достанется.

– Не, ребят, а че пить-то будем?

– «Жигуля», полтораху! На всех, ептыть!

– Не, меня от пива вообще тошнит! Давайте хоть «Яги» возьмем!

– Короче, пива, «Яги» и еще, чего останется. Закуску будем брать?

– Не, ребят, короче, я устала, уже поздно, я домой, вы тут как-нибудь без меня. Спокойной ночи.

– Так, короче, а кто вообще пойдет? И главное, куда?

– Не, только не я, меня в прошлый раз спалили. Без паспорта точно не продадут.

– О, Стас, давай ты! Тебя уж точно не спросят.

– Да, Стас, Стас, ты идешь!

Стас, парень из соседнего подъезда, был на вид довольно

взрослым, и пиво или сигареты ему могли запросто продать, чем многие и пользовались. Сам он, правда, не пил и не курил, но помогал всем и каждому, и компания держала его при себе как бы на побегушках. Почему он тогда к ним примазался – кто его знает.

Когда таким образом единогласно за бухлом отрядили Стаса, на пьянку подписались все, никто больше не сомневался и не отказывался. Всей толпой кроме двух-трех человек двинули за Стасом к ларьку, громко шумя и в то же время опасно озираясь из-за ментов. Настя как-то случайно оказалась впереди всех, рядом со Стасом. Он шел, приветливо улыбаясь ей (он всегда относился ко всем дружелюбно) и, всякий раз наклоняясь к ней близко, чтобы она могла слышать в общем гуле его слова, говорил:

– Ты тоже, что ли, бухать будешь?

– Ну да, а что? – отвечала Настя.

– Ты ж еще мелкая!

– Ну и что? Я как все буду. А ты не будешь, что ли?

– Не, я не пью.

Настя шла и была счастлива. Ей нравилось все вокруг: и свет звезд в ночном небе, и огни пронесившихся мимо машин, и веселые лица компании вокруг, и их громкий радостный смех, и поздние прохожие, шарахавшиеся от них в сторону. Она чувствовала себя по-настоящему свободной и не боялась ничего...

...Вот наконец Стас вышел из ларька с двумя большими

пакетами, которые прямо-таки раздувались от банок и бутылок внутри них. Тут были и мощные «полторахи» с пивом, и пестрые банки со всевозможными коктейлями и даже, по чьей-то особой просьбе, бутылка водки. Насте еще никогда не приходилось видеть столько бухла сразу. Спустя несколько минут она с компанией уже всю накачивала себя алкоголем. Пиво ей и правда не понравилось, ее быстро замутило, зато «Ягуар» оказался довольно вкусным. Под конец, осмелев, она даже хлебнула глоток водки и почувствовала, как по жилам заструилось тепло. Она ощущала теперь невероятный кайф и от бухла, и от красивого высокого Стаса, который его достал, и от веселых лиц кругом, и от объятий лучшей подруги...

Вернувшись этой ночью домой, Настя остановилась в прихожей и, не раздеваясь, привалилась лбом к стене. Родители вышли из спальни и, зажгя свет, стали хмуро глядеть на нее.

– Настя, что случилось? Почему так поздно? – строго и в то же время взволнованно спросила мать.

– Мы со Светой... гуляли, – с трудом вымолвила Настя и вдруг, покачнувшись, сблевала на пол, забрызгав при этом свою розовую курточку и капроновые колготки.

– Мы со Светой... в кафе... салат съели... – произнесла она и без сил повалилась на коврик.

Не знаю, поверили ли тогда ей родители или нет, но на следующий день они ничего не сказали дочке и запрещать ее прогулки почему-то не стали.

Меж тем годы, как говорится, летели, и Настя сама не заметила, как ей стукнуло тринадцать. Первые признаки полового созревания дали о себе знать, причем в самой резкой форме. Уже она не думала о дружбе с мальчиками и о прогулках с ними, ей хотелось чего-то большего, и каждый раз при взгляде на мальчика она испытывала совсем другие чувства, нежели раньше, ей явно хотелось *того самого*, о чем говорили все вокруг, она чувствовала сладостное томление внутри и понимала, что само собой оно не пройдет. Когда она рассказала об этом Светке, та только усмехнулась:

– Да ты не волнуйся, у всех это бывает. Ты, главное, нормально к этому отнесись. Оно ведь, рано или поздно, все равно придется. Ну, а если уж совсем немоготу, могу тебя с одним челом свести. Ему двадцать три, он тут недалеко хату снимает. Ему такие, как ты, в самый раз. Да ты не бойся, никто все равно не узнает, а тебе он даже может потом заплатить. Представляешь, в твои годы столько денег получить!

Настя решила не ждать того момента, когда ей *придется*, а попробовать прямо сейчас, когда особенно хотелось. Конечно, ей было немного боязно и непривычно, несмотря на все уверения Светки в том, что этот парень «совсем порядочный и ни одна девчонка еще на него не жаловалась». Она уговорила-таки подругу пойти вместе с ней, потому что район был опасный и всякое могло случиться и без Влада (так звали это-

го ловеласа). В назначенный час обе входили в подъезд дома на окраине города. У подъезда распивали пиво несколько мужиков в трениках и майках, на девочек они посмотрели странными взглядами, и один из них прохрипел: «Девчонки, айда ко мне!» Светка грубо отшила его, а Настя с ужасом подумала, что одна она, пожалуй, ничего бы не смогла ему ответить и, быть может, даже *согласилась бы*.

Они поднялись на третий этаж, остановились перед старой деревянной, обитой войлоком дверью, и Светка позволила в разбитый, державшийся на соплях звонок. Пока дверь не открылась, Настя быстро достала из косметички зеркальце и в который раз стала разглядывать себя, но Светка тут же одернула ее. Видно было, что Настя сильно волновалась: косметику нанесла криво, чего обычно с ней не случалось, и духов вылила на себя чуть ли не полфлакона. Дверь долго не открывали, словно хозяин чего-то боялся и тщательно рассматривал гостей через глазок. Наконец замок щелкнул и дверь распахнулась. Настя, внутренне готовившаяся к этому моменту, все равно не удержалась и вздрогнула. Перед ней стоял самый обычный парень, светловолосый, голубоглазый, совсем ненамного выше ее, хотя разница в возрасте у них была в десять лет. Если бы она встретила его случайно на улице, то, скорее всего, прошла бы мимо, испытывав, впрочем, некоторое сладостное возбуждение, какое она испытывала ко всем парням в последнее время, и подумав: «А вот с ним *было бы* неплохо». И в то же время в нем было

что-то неприятное, отталкивающее, так что сразу стало ясно: он с тобой церемониться не станет, он тебя возьмет сразу, какая ты есть. И взгляд его красноречиво говорил это. Пока он пожирал бедную девочку глазами, она, наоборот, смущенно опустила взгляд и лишь изредка поднимала его, стараясь не смотреть ему в лицо. Одет он был в белую расстегнутую рубашку и джинсы, и Настя знала, что совсем скоро он снимет их и обнажит свое волосатое тело, которое будет долго и противно тереться о нее... Светка тем временем представляла ее, говоря совсем непринужденно и даже как-то по-дружески:

– Привет, Влад, это Настя, я тебе о ней рассказывала («Господи, что такое она обо мне могла рассказать?» – с ужасом подумала Настя). – Ну, вы тут разбирайтесь, я тогда пойду (Настя упросила ее подежурить под дверью, – на всякий случай, – но она вряд ли стала бы это делать).

И вот дверь захлопнулась, и Настя оказалась отрезанной от внешнего, столь привычного ей мира, в странной обстановке, наедине со страшным человеком. Дрожа, она проследовала за хозяином в единственную комнату, тесную и душную. Видно было, что обычно в ней царил бардак, и только ради особых случаев Влад прибирался здесь.

– Садись, чего стоишь? – Влад подошел к шкафчику. Она робко присела на краешек кровати. – Пить будешь? – Он вынул из шкафчика бутылку шампанского.

– Нет! – Она резко вскочила. – Давайте сразу...

– Ну сразу так сразу, – пожал он плечами и стал раздеваться. Снял рубашку через голову одним махом, стал расстегивать джинсы... Она, словно зачарованная, глядела на него, на его худое мускулистое тело. У парней в деревне, когда они раздевались на пляже, животы были обвислые, в складках, либо же наоборот, ребра торчали во все стороны... Когда Влад наконец снял трусы и натянул презерватив, она все еще стояла, не шелохнувшись.

– Ну ебать ты смешная, – произнес он. – «Давайте сразу», а сама?..

Тут она вспомнила, чему всегда учила ее Света: быть смелой и не отвлекаться на пустяки. Она решительно сорвала с себя желтую маечку – тоже одним махом, через голову. Затем сняла короткую юбочку, колготки и вскоре уже стояла перед Владом в одном нижнем белье, стыдливо опустив взгляд.

– Это тоже скидывай, – кивнул на лифчик и трусы Влад. – Стесняешься, что ли? Да не бойся ты, я ж тебе не серый волк.

Она разделась полностью и покорно вытянулась на расправленной постели. Пока Влад подходил к ней, а затем наваливался всем телом, она смотрела слезящимся взглядом в окно, за которым стучала клювом по карнизу галка, и думала о сером небе, раскинувшемся над этим серым и угрюмым районом, который все звали не иначе как «Нижние Ебеня», о телках и пацанах, трахающихся в этих самых Ебeneaх в таких же грязных и маленьких квартирках, а то и вовсе в подь-

ездах или на заброшенных стройках; о Светке, которая сейчас где-то там ждет ее, а, возможно, совсем о ней не думает; о парнях из деревни; думала о чем угодно, только не об этой страшной боли...

Когда наконец все закончилось, Настя лежала, уткнувшись лицом в подушку, и слезы сами собой лились у нее из глаз.

– А ты ничего даже, – услышала она откуда-то издалека приятный голос Влада. – Я-то думал, хуже будет. Где хоть научиться-то успела?

С трудом оторвав голову от подушки, Настя увидела, что весь ее макияж размазался по желтой наволочке. Она поскорей утерла слезы и, сев на кровати, принялась собирать разбросанную по полу одежду. Влад сидел на другом конце кровати, так и не одевшись, и глядел на девочку уже не с жадностью, а даже с некоторым восхищением. Достав из кармана джинсов кошелек, он протянул ей тысячу, но она так отчаянно замотала головой, что он убрал деньги обратно и, взяв с тумбочки пачку «Винстона», закурил сам и протянул сигарету Насте.

– Я... я не курю, – робко произнесла она.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Влад, – рано или поздно придется попробовать.

Помедлив, она взяла сигарету, прикурила от протянутой зажигалки и, вдохнув едкий дым, закашлялась. Стремясь скрыть позор, она затянулась сильнее, но успокоения, как

ни странно, не ощутила, наоборот, ее замутило еще больше. Глядя, как она неумело затягивается и совсем по-детски хлюпает носом, Влад философски изрек:

– Жизнь одна, и в ней нужно успеть многое попробовать. Ничего, понемногу всему научишься.

...Этой ночью Настя долго не могла заснуть. Лежа в темноте, в привычной и уютной комнате, она прокручивала в голове весь сегодняшний день и его мелкие детали: голые стены и грязные занавески в квартире Влада, его мерзкие прикосновения, противный вкус его сигарет... Неужели каждый раз теперь секс будет для нее таким неприятным?..

Несколько дней после этого она боялась даже выходить из дому, чтобы ненароком не встретить на улице *его*. Родителям она сказала, что плохо себя чувствует, чтобы не идти в школу. Этот трюк у нее безотказно прокатывал с самого раннего детства: ей легко поверили и позволили остаться дома. Но возникла другая проблема: она внезапно осознала, что презерватив, который надевал Влад, вполне мог порваться или соскочить, а тогда... Она боялась даже думать о том, что могло произойти, если бы она вдруг забеременела. Не говоря уже о том, что сказали бы родители, узнав об этом. Единственным человеком, с кем она могла бы об этом поговорить, была, конечно же, Светка. Однако даже позвать ее к себе домой не получилось бы: сотового у Насти еще не имелось, а звонить на домашний было бесполезно: все равно подруга вечно отсутствовала. Раньше они умели каким-то об-

разом встречаться, не договариваясь заранее: стоило одной выйти во двор, как другая уже была тут как тут. В крайнем случае передавали сообщение через какого-нибудь знакомого. А теперь...

На третий день Настя не выдержала и решила обо всем поговорить с мамой. Разумеется, со всей осторожностью, ни в коем случае не открывая правду.

– Слушай, мам, можно тебя спросить?.. – начала она, как только мать вошла к ней в комнату с обычной порцией лекарств (она была врачом и потому никогда не водила дочь в поликлинику, а лечила ее сама).

– Конечно, Настенька, спрашивай, – улыбнулась тетя Лена.

– А когда ты... в первый раз... ну, сделала это... ну то есть... когда ты в первый раз занялась *этим*?

Улыбка сползла с лица матери, и она смущенно пробормотала:

– А почему ты спрашиваешь, доченька?

– Просто так... Мне интересно узнать, что девочки вообще чувствуют, ну, когда они... ну, занимаются этим...

– Да ну как тебе сказать... – Тетя Лена присела на стул возле кровати. – Тут у каждой по-разному. Я, например, только на втором курсе, в девятнадцать лет это испытала.

– И как это было? – вскинулась Настя, чувствуя, что вот-вот, она уже близка к разгадке тайны.

– Да как тебе сказать, – снова замялась мать, – дело-то бы-

ло такое... Ну ладно, слушай, все равно бы узнала. Словом, это было на втором курсе, поехали мы тогда на дачу, к подружке моей, Тамаре Селезневой, у нее день рождения был. Ну, естественно, выпили порядочно. Ну, а потом Томкин брат, зэк бывший, со мной *это* и сделал. Я его с тех пор больше и не видела.

– И как... что ты чувствовала? – трепеща от волнения, спросила Настя.

– Да ничего такого, – махнула рукой мать, – я ведь пьяная была, мне как-то все равно было. Но потом, конечно, старалась поменьше об этом вспоминать.

Настя поникла головой. Действительно, быть может, если бы она тогда выпила, все было бы по-другому, быть может, она ничего бы не почувствовала и сейчас не ощущала бы себя такой грязной? Почему-то мамин рассказ не успокоил ее, а, наоборот, оставил в душе какой-то мутный осадок.

– А если бы, мам... А если бы ты после *этого* вдруг забеременела? – внезапно спросила она.

Тетя Лена вдруг часто-часто заморгала и отвернулась. Настя успела заметить блеснувшие в ее глазах слезы.

– Мам, что с тобой?.. Ты... ты плачешь? Почему?

– Нет, ничего, – ответила мама глухим голосом, по которому было ясно, что она рыдает. Настя кинулась к ней, обняла за шею и, глядя ей в заплаканное лицо ласковым взглядом, начала успокаивающе шептать: «Мамочка, ну что такое? Ну расскажи мне, я все пойму». Мать посмотрела на нее отре-

шенным взглядом и вдруг все тем же глухим голосом произнесла:

– А я ведь и правда после того случая залетела. Сама не знаю, как это так получилось – таблетку я даже и не подумала тогда выпить.

– Как? – изумилась Настя. – Но ты же никогда не говорила...

– Вот, в том-то все и дело, – горестно промолвила мама, – я даже родителям тогда боялась признаться, они бы меня просто из дому выгнали. Я одной Томе только и сказала, у нее знакомая акушеркой работала, она-то мне аборт и сделала.

Настя сидела потрясенная, не веря тому, что только что услышала. Мать еще немного помолчала, глядя куда-то в пространство и наверняка думая о чем-то совсем ином, потом произнесла уже нормальным голосом:

– Папа твой, конечно же, ничего про это не знает. Я ему вообще перед свадьбой сказала, что девственница – в первую брачную ночь, конечно, притворяться пришлось. А так бы, доченька, была у тебя старшая сестренка... или братик. Ты ведь хотела братика? – И, взглянув на дочку, она невесело рассмеялась. Настя с трудом улыбнулась ей в ответ.

Зачем тогда тетя Лена говорила с ней об этом – непонятно. Возможно, как врач, не стеснялась ничего, а, может быть, думала, что чем раньше дочка узнает обо всем этом, тем проще ей будет потом...

Пару дней спустя они со Светкой гуляли по аллее парка. После того разговора с матерью Настя поняла, что прятаться дома бессмысленно: все равно ей когда-нибудь придется выйти наружу. Была у нее еще и другая причина для встречи с подругой, куда более важная: ей надо было срочно узнать про таблетки, о которых говорила мать. Может быть, еще не поздно?..

– Да не парься ты, дурочка, – говорила Светка, куря и пуская дым ей прямо в лицо (многие в их компании курили, и Настя втайне завидовала им). – Влад парень надежный, у него никогда промахов не бывает. По крайней мере, ни с одной еще не было.

– А если все-таки... – начала было Настя.

– А если бы да кабы, во рту б росли грибы, – передразнила Светка. – Ну подумай сама, зачем ему это надо? Своих проблем мало?

Настя промолчала. Пожалуй, тут подруга была права.

– А насчет таблеток даже не заморачивайся, – махнула Светка рукой. – Если хочешь – пойдем в аптеку, купим, только зачем? Родители еще найдут, начнут спрашивать. А при парнях про таблетки даже не заикайся, им это вообще не нравится. Они, понимаешь, во всем хотят быть главными, даже в предохранении.

Некоторое время они шли молча. Настя смотрела на зе-

леневшие кругом деревья, на гулявших по аллее людей и думала, стоит ли ей показывать парням свою слабость или же, наоборот, быть для них всем, чтобы они по-настоящему ценили и уважали ее.

– Слушай, – вернул ее к реальности голос подруги, – тут в воскресенье одна клевая туса намечается, у Катьки же днюха в субботу. Много наших придет, со двора еще будут, да Катькины знакомые, я их не знаю, но говорят, они классные. Ты как, пойдешь?

– А бухло там будет? – осведомилась Настя.

– Ну разумеется, а зачем же еще на днюху идут? – усмехнулась Светка.

Настя снова задумалась. Стоило ли идти, ничего не опасаясь, или слова матери должны были стать для нее предостережением?

– Ну, чего молчишь? – спросила Светка, остановившись на месте. – Идешь или нет?

– Слушай, Свет, дай мне сигарету, – попросила вдруг Настя. – А на днюху я конечно пойду, ты же меня знаешь. Только напиваться до посинения не стану.

– Ну как хочешь, – сказала Светка, протягивая ей пачку сигарет и отвечая одновременно на оба ее пожелания. – Тебя ведь никто не заставляет. А то, глядишь, может и парня себе там присмотришь.

– Я уж как-нибудь сама разберусь, – ответила Настя, прикуривая от Светкиной зажигалки и глубоко затягиваясь. Вот

странно – теперь ей было совсем не так противно, как тогда, в квартире у Влада – дым имел сладковатый привкус и даже успокаивал. Может, только после *этого* ей так мерзко становится?

И вот, в воскресенье состоялась обещанная туса на хате у Катьки. Народу и вправду было много, как знакомых, так и нет, и бухла... Впрочем, что тут рассказывать, вы и так наверняка представляете, как проходит большинство таких подростковых тусовок, возможно, сами на них не раз бывали. Отмечу только, что свет в квартире горел только на кухне, в гостиной было почему-то темно. Основная часть тусы происходила именно здесь. Кто-то обжимался парочками по углам, другие пытались танцевать под музыку в центре комнаты, а те, кто не хотел ни того, ни другого, сидели за большим столом, заставленным всевозможным бухлом, с банкой, полной окурков, посередине, и говорили кто о чем. К этой компании примкнула и Настя. Поначалу ей было неловко среди многих незнакомых парней и девчонок, но понемногу она стала привыкать к новым разговорам и лицам, и вскоре, когда уже достаточно опьянела, ей стало казаться, что она знает их всех уже очень давно. Затуманившимся взглядом она смотрела неподвижно в одну точку – на ярко раскрашенную банку «Ягуара», стоявшую прямо перед ней, и ей нравилось все вокруг – и уютный полумрак комнаты, и прохладный ветерок, дувший с тихой темной улочки, из приоткры-

того окна, и весело матерившиеся голоса, и лица вокруг...

Когда в разгар веселья Настя вышла на кухню попить воды, она поразилась тому, насколько неприятной была кухня по сравнению с гостиной. Здесь, наоборот, горел яркий свет, который после приятного сумрака резал глаза, и сама кухонька выглядела очень маленькой и неудобной. Гора грязной посуды в раковине, заблеванный пол, валявшийся под столом пьяный в дрова парень... Преодолевая отвращение, Настя направилась к бару, чтобы взять оттуда графин с водой, когда на кухню вслед за ней вошел довольно-таки смазливый парнишка из той, новой компании, с которой она только что сидела за одним столом.

– Ты Настька, да? – спросил он со странным блеском в глазах.

– А что такое? – Она с гордым и независимым видом повернулась к нему.

– Да мне тут просто шепнули, что ты любому даешь, – нагло ответил парень.

Настя в ответ только презрительно усмехнулась и отвернулась. Внезапно она почувствовала, как на ее правую ягодицу легла чья-то ладонь. Она поняла, что не стоило поворачиваться к настырному пареньку спиной: так она только провоцировала его, ведь на ней была в тот вечер короткая обтягивающая юбка золотого цвета. Видимо, незнакомец истолковал ее презрительный жест как раз наоборот.

– Так за чем же дело стало? – неприятно щекотнул ее ухо

мерзкий голос. – Давай тут по-быстрому, пока никто не видит.

Что было делать? Так просто он бы не отстал, а звать на помощь ей совсем не хотелось. Приходилось выкручиваться самой. Собрав волю в кулак и вспомнив все, чему учила ее Светка, Настя резко повернулась к парню лицом, скинув с себя его руку, и громко произнесла:

– Слышь, красавчик, я не знаю, кто тебе и что про меня наплел, только такие, как ты, мне на хуй не нужны. И тебе до меня еще расти и расти. Ты здесь никто и звать тебя никак, – удачно ввернула она выражение, услышанное во дворе, и, совсем уже разойдясь, вкрадчиво закончила: – А будешь меня лапать – я так крикну, что тебе любой здесь ебало разобьет, уяснил?

Ошеломленный паренек отступил в сторону, и Настя с гордо поднятой головой покинула кухню. К столу пьянок она вернулась окрыленно-сияющей, радуясь, что ей удалось так запросто отделаться от мерзкого ухажера. Теперь в разговоры чужой компании ей стало вступать уже гораздо проще, она сама начала предлагать новые темы, задавать вопросы: теперь она чувствовала, что *имеет право быть с ними*. И они, похоже, тоже это почувствовали, потому как стали чаще обращаться к ней, улыбаться ей и обнимать за плечи. Вдруг среди веселых голосов она услышала один, противный, визгливый и явно злой:

– Эй, сучка, а ну иди сюда, поговорим! Ты какого хуя к

Виталику приставала?

Изумленно подняв взгляд, Настя даже сначала не поняла, что это обращаются к ней. Но потом она разглядела среди приветливых лиц одно, такое же злое, как и голос. Это лицо принадлежало какой-то девчонке из чужой компании, с которой она прежде не разговаривала и даже как-то не обращала на нее внимания, хотя имя ее вертелось у нее в голове: то ли Надя, то ли Нина. Она смотрела на Настю яростным взглядом и все время повторяла: «Пошли выйдем!», «Че, зассала?» Но вскоре ее голос потонул в общем шуме, а потом и сама она затерялась в толпе, хлынувшей со всех углов к столу. Пьянка продолжалась, и Настя вскоре забыла об этой дуре: мало ли что ей там взбрело в голову!

Эх, женщины... Не хочу выглядеть неоригинальным, прозвоня эти слова, но факт остается фактом: природу их бывает очень сложно понять, а связываться с ними зачастую даже опасно.

Если вы наберете в «Яндекс. Видео»: «женская жестокость», первая же ссылка будет на видео, где одна девчонка избивает другую при полном равнодушии компании вокруг, а подросток, который это снимает на телефон, еще и злорадно комментирует избиение. Вроде бы ничего удивительного – в инете полным-полно таких роликов. Однако для этого видео основой послужили те самые события, произошедшие

на той памятной днюхе.

...На другой день после пьянки, едва Настя вышла во двор, как к ней подлетела Катька и велела идти за собой.

– Куда? – удивилась Настя.

– Пойдем, пойдем, – сказала Катя, решительно беря ее за руку чуть пониже локтя, – тебе пару ласковых сказать хотят.

Ничего не понимая, она тем не менее пошла за подругой и вскоре очутилась в соседнем дворе, где еще ни разу не бывала. За углом дома было грязно и сыро, отсюда был виден только кусок улицы, по которой мчались машины. На пустой детской площадке столпилась большая компания парней и девчонок, – тут были кое-какие Настины знакомые еще по пьянке, но большинство она раньше не видела, – многие с банками «Ягуара» и сигаретами в руках. Катька наконец отпустила ее руку и отошла назад, словно бы совсем не имея к этому отношения. Вся компания – пацаны в ней были совсем еще мелкие, лет девяти-десяти – подалась вперед, окружив Настю полукольцом. Вперед выступила темноволосая девочка, примерно одного роста и возраста с ней. Тут Настя узнала ее – это была та самая девчонка, которая вчера что-то орала ей про какого-то Виталика.

– Ну и какого хуя ты вчера съебала? – громко спросила она, подходя к Насте вплотную.

– О-откуда? – похолодев от предчувствия того, что сейчас случится, пролепетала Настя.

– От Катьки, блядь, откуда! – закричала девчонка (ее все-

таки звали Надей, как Настя потом узнала) – Ты какого хуя к Виталику приставала?

– К какому Виталику? – спросила Настя уже смелей, начиная понемногу догадываться, зачем она здесь.

– К моему Виталику, блядь! – крикнула Надя. – Я тебе говорила: пошли выйдем, разберемся, ты, блядь, съебала! Вот теперь опиздюлишься!

Она отвела «соперницу» к кирпичной стене, и они встали друг напротив друга, боком к стене. Компания снова замкнула вокруг них полукольцо, – теперь уже такое, из которого было не вырваться, – а один пацан, подскочив поближе, достал мобильник с видеокамерой, новомодное тогда изобретение, и принялся с видом заправского оператора снимать. Наде, видимо, польстило такое внимание, она стала улыбаться в камеру, а потом картинно принялась снимать с себя украшения. Настя стояла, словно окаменев: она вспомнила саму себя несколько лет назад, когда она вот так же снимала сережки перед дракой с Пашей в деревне.

– Они золотые? Мои значит будут! – весело крикнул пацан-оператор, когда Надя сунула сережки ему в руки.

– Не, серебряные. У меня все серебряное, – так же весело ответила она, словно забыв о том, что собиралась сделать. Настя обомлела еще больше: сережки у нее тогда, в деревне, были тоже серебряными. Сняв все кольца, Надя со вновь перекосившимся от ярости лицом повернулась к «сопернице». И дальше случилось то, что вы могли видеть в том видео, да

и вообще в любом подобном ролике. Правда, настоящим избиением это назвать было трудно, Надя просто шлепала ладонями по голове, но для Насти эти удары были неприятнее всего. Уж лучше бы она била ее по-настоящему, кулаками, как дрались все у нас в деревне. А толпа вокруг восторженно аплодировала «победительнице», радостно вопила и улюлюкала. Особенно веселились мелкие во главе с оператором. Лишь немногие из чужой компании жалели Настю, уговаривали Надю прекратить, но сами почему-то ее не останавливали. Когда ей наконец надоела эта гнусная забава, а окончательно выбитая из колеи «жертва», обливаясь слезами, пошла прочь, только одна девчонка, имени которой Настя так и не узнала, обняла ее, прижала к своей широкой груди и стала гладить по спине, успокаивая. Больше никто ее в тот день не поддержал. Даже Светка, у которой в это время как раз закрутился новый роман с каким-то парнем с Катькиной тусы. Это стало вторым большим предательством в Настиной жизни.

Несколько дней спустя за завтраком мой отец, развернув газету, пробежал глазами местные новости.

– Фига себе, – произнес он, – на *** проспекте какая-то девчонка чуть с крыши не прыгнула.

– Ну и что? – спросила мать, намазывая масло на хлеб.

– Да я и раньше про это на работе слышал, только думал,

хрень какая-нибудь, выдумывают все. А тут даже фотка есть, вот, смотрите. – Он развернул к нам газету, но на черно-белой фотографии рядом с заметкой ничего было толком не разглядеть. – Говорят, народу целая улица собралась, на такое посмотреть. Она там еще истерику на весь двор закатила.

– Бывает, что ж поделать, – пожала плечами мать. – Главное, чтобы это потом массово не началось.

Мог ли я тогда подумать, что той несостоявшейся самоубийцей была как раз Настя?

Стоял погожий солнечный день, и двор действительно был забит народом, пришедшим поглазеть на такое невероятное событие. Тут были и Настины родители, и ее знакомые со двора, и милиция, и «скорая», и просто прохожие, которым было нечего делать и которые с любопытством наблюдали за девчонкой в длинной зеленой футболке и широких рваных джинсах, стоявшей на самом краю крыши пятиэтажного дома и всерьез намеревавшейся шагнуть вниз. Сильный ветер развевал ее светлые волосы и размазывал по лицу слезы, которые непрерывным потоком лились из глаз.

– Я не хочу больше жить!!! – в истерике кричала она. – Уходите! Я сейчас прыгну, и мне конец!

– Настенька, доченька, спустись, умоляю тебя! – рыдая еще горше, восклицала ее мать, перекрывая шум толпы снизу. – Мы с папой этого не переживем, ты понимаешь?!

– Насть, ну не надо! Ты все из-за этого? Ну прости меня, я не со зла это сделала! – кричала бледная от ужаса Катька.

Ее поддержали несколько знакомых девчонок из компании.

– Уходите все!! Я прыгну, и вам всем конец!! – не слушая никого, вопила Настя.

Кто знает, чем бы это все закончилось, если бы на крышу через люк не поднялся парень, которого потом часто упоминали в той газетной заметке. Это был Стас.

– Насть, ну перестань ты, – заговорил он удивительно спокойным голосом, когда она обернулась к нему. – Ну чего ты этим добьешься? Ты понимаешь, какую ты этим боль родителям причинишь? Тебе что, совсем их не жалко?

Настя застыла на месте, больше не делая вид, что вот-вот прыгнет, и даже плакать на несколько секунд перестала.

– А добиться своего – ты уже добилась, – так же спокойно продолжал Стас. – Вон, видишь, Катька уже перед тобой извинилась. А скоро и все остальные придут. Не придут, так их другие притащат. – И вдруг, перейдя на суровый тон, он заговорил с укором: – Ну кого ты тут обманываешь? Хотела бы прыгнуть – давно б уже прыгнула, не разыгрывала тут спектакль. Ну, иди ко мне, ну, ну, вот так... Ну вот, все хорошо...

С этими ласковыми словами он подошел к Насте, крепко обнял ее и прижал к груди. Она, уже не пытаясь шагнуть к краю и лишь по-прежнему горько и непрерывно рыдая, в обнимку со своим спасителем направилась к люку.

Внизу ее тотчас же обступила толпа из родных, знакомых, врачей, тут же оказался репортер местной газеты, благодаря которому и появилась та самая заметка. Когда Настя с тру-

дом оторвала лицо от груди плакавшей навзрыд и все время повторявшей: «Настенька, ну как же так?» матери и попыталась среди множества окруживших ее лиц найти единственное дорогое ей в этот момент лицо Стаса, то не смогла этого сделать: он отступил куда-то назад, скрылся в толпе, за спинами взрослых, а, может быть, и совсем ушел. Но Настя была так бесконечно благодарна ему за спасение своей жизни, что, как сама признавалась впоследствии, могла сделать для него все, что угодно.

Минуло еще два года. Город становился для меня все более романтичным и привлекательным, а прогулки по нему доставляли все больше удовольствия, и о том, чтобы наслаждаться красотами природы в деревне, я думал все меньше. В моей жизни за это время почти ничего не поменялось, а вот в Настинной жизни изменения произошли, и довольно серьезные. Приходя домой из школы (которую после того инцидента ей пришлось сменить), она ничего не ела, а уходила к себе в комнату и сидела там до вечера. Домашнее задание она делала кое-как, а чаще всего и вовсе не делала. Когда мать приходила с работы и заглядывала к дочери в комнату, то видела одну и ту же картину: Настя сидела над тетрадями и учебниками и смотрела в одну точку.

– Настенька, у тебя все хорошо? – встревоженно спрашивала тетя Лена.

– Голова болит, – жаловалась дочка.

– Ляг, полежи, отдохни, – советовала мама. – Может, таблетку выпьешь?

– Я лучше схожу погуляю.

– Ну, сходи. Допоздна только не гуляй.

Настя с облегчением вставала из-за стола, быстро одевалась (раньше перед выходом на улицу она часами могла простаивать перед зеркалом, примеряя разные кофточка, нанося макияж и нацепляя побрякушки, теперь же совсем перестала следить за собой – носила всегда одну и ту же джинсовую куртку, из украшений – только дешевые кольцо и цепочку, даже причесаться порой забывала) и выходила во двор. Позади нее унылой серой громадой возвышался дом, слева – футбольное поле, на котором гоняли мяч дворовые пацаны (Настя старалась каждый раз не смотреть в ту сторону), а впереди до самого горизонта раскинулись одноэтажные деревянные домики. В одном из таких домиков и жила Олеся, новая подруга Насти. Она была старше ее на два года, училась в колледже на парикмахера и вела себя совсем по-взрослому. Родители у нее выпивали, но это не мешало ей строить свою собственную жизнь. Вдвоем с ней Настя отправлялась на прогулку по унылому осточертевшему городу, в котором они, однако, умудрялись каждый день находить что-то новое. Они покупали пачку сигарет на двоих и по банке пива на каждую (покупала всегда Олеся, потому как выглядела она совсем взросло и вопросов к ней не возникало) и раз-

влекались, либо гуляя по улицам, либо просто сидя на скамейках в парке и у подъездов. Иногда, только по выходным и когда мать давала достаточно денег, Настя ходила с подружкой в клуб, где оттягивалась по полной. Здесь же Олеся кадрила себе парней, надеясь потом удачно выйти замуж и навсегда расстаться с противной ей жизнью в двушке с родителями. Предлагала и Насте найти свою половинку, но та каждый раз отвечала отказом. После уже имевшегося за плечами опыта она боялась снова обжечься. Однажды к ней во время очередного вечера в клубе подошел какой-то довольно красивый парень и предложил познакомиться. Парню было лет двадцать – двадцать пять на вид, он был невысок ростом, но довольно крепок, светловолосый, с голубыми глазами. Настя довольно редко встречала таких, и этот ей почему-то сразу понравился. Но, все еще помня прошлое, она холодно отвернулась от парня. Звали его, кстати, Дима, и так просто сдаваться он явно не собирался, стал подходить все ближе, хватать за руки. Она всерьез собиралась уже закричать, но тут, к счастью, вернулась отходившая за коктейлем Олеся.

– Что тут у вас случилось? – спросила она, подозрительно переводя взгляд с подружки на незнакомого молодого человека. Тот взглянул на нее не нагло, а как-то даже смущенно и, неловко улыбаясь, промямлил:

– Да вот... я тут с девушкой познакомиться хочу. А вы ее подружка? Меня, кстати, Дима зовут. – Он даже протянул Олесе руку. Она также почему-то засмушалась, порозовела

и, отведя взгляд в сторону, пробормотала: «Очень приятно. Я Олеся». Весь вечер они весело и непринужденно беседовали, как будто давно уже были знакомы, а на Настю даже внимание перестали обращать.

... – Тебе что, правда этот придурок понравился? – спрашивала обиженная Настя подружку, когда они уже под утро возвращались домой.

– Не знаю, по-моему, он прикольный, – отвечала Олеся, и глаза ее сияли счастьем. После Настя поняла, что они уже в тот момент нашли друг в друге родственную душу.

Несколько дней спустя, когда Настя позвонила Олеся и предложила погулять, та внезапно отказалась, чего раньше еще никогда не было. Настя удивилась, но выяснять подробности не стала. А еще пару дней спустя Олеся пришла на встречу с подругой... вместе с Димой. Настя удивилась еще больше, но опять ничего не сказала. Новый парень между тем был приветлив, дружелюбен, шутил с обеими девочками, а к Насте больше не пытался тянуть руки. Он теперь по-настоящему нравился ей, и она уже не знала, завидовать ли подружке или ревновать парня к ней. С тех пор каждый раз, когда девочки встречались, – на прогулке, после школы, во дворе, в клубе, – Дима неизменно был рядом. В то же время встречи подруг становились все короче, влюбленные спешили уединиться, и Настя постоянно чувствовала себя третьей лишней. Но она по-прежнему молчала, зная, что в противном случае это может выйти боком всем троице.

Однажды, уже в середине дождливого июня, после того как Настя с пятью тройками закончила восьмой класс, они с Олесей, Димой, Таней, их общей знакомой, и ее младшим братом Егоркой, которого она забирала из детского сада, бродили по новому, недавно построенному торговому центру. Когда выходили из отдела женской обуви, выяснилось, что Олеся с Димой куда-то пропали. Поискав их еще по всему центру и безуспешно попытавшись до них дозвониться (телефоны у обоих были выключены), втроем они спустились к выходу и стали ждать их там, надеясь, что те заскочили в какое-нибудь кафе или застряли в салоне свадебных платьев (ну не стали же бы они их просто так бросать!). Возможно, именно в этот момент я увидел их, случайно проходя мимо, но как-то особо не обратил внимания. На улице как раз начался дождь, тот самый, который все у нас называли «кислотным» и потому боялись под него попасть, поэтому запоздавшим покупателям пришлось ждать в холле и на крыльце, под козырьком. Егорка захныкал и запросился домой, Таня, уставшая от его нытья, молчала и всячески игнорировала брата, Настя же, которая давно уже мечтала о младшем братике, наоборот, проявляла заботу, успокаивая его. Время шло, Дима с Олесей все не появлялись. Настя, оставив хнычущего Егора и безразличную ко всему Таню, пошла на крыльцо выкурить сигарету. Через стеклянные двери она все поглядывала в холл и на эскалаторы, ведущие наверх, но знакомые лица там так и не появлялись. Незаметно для себя

она выкурила вторую сигарету, затем третью... А когда наконец поняла, что сигареты у нее закончились, а новую пачку ей без Олеси не продадут, тяжело вздохнула и поплелась под кислотным дождем домой.

На следующий день Настя долго звонила Олесе, но трубку никто не брал. Наконец подошла Олесина мать и сиплым от пьянства голосом, перемежая речь матерными словами, заявила, что Олеся больше не пойдет с ней гулять.

– Почему? – удивилась Настя.

– Почему, почему, бя... – пробубнила в ответ мать. – Беременна она, вот почему...

И это оказалось горькой правдой. Олеся залетела, и по этой же причине столь внезапно исчезла вчера. Тесты ДНК еще, разумеется, не проводили, но сомнений не было – ребенок должен был быть от Димы. Об аборте Олеся и слышать не хотела, хотя, Дима, похоже, был совсем иного мнения на этот счет. Каким-то образом вся эта «мыльная» интрига стала известна родителям Насти, начались скандалы, крики, ругань, Насте вначале наотрез запретили даже разговаривать с подругой, затем, разумно решив, что проще будет на время отгородить ее от «опасной среды», отправили к бабушке в деревню, как в старые добрые времена. Настя из своенравия посопротивлялась, но родители были непреклонны. Сообразив, что в деревне она сможет выплеснуть нерастратченную энергию с большей пользой, она согласилась, хоть на душе у нее из-за истории с Олесей по-прежнему скребли кошки.

В день отъезда она сидела во дворе на скамейке, ожидая такси, которое должно было отвезти ее на вокзал, а оттуда на электричке она отправлялась до райцентра, из которого тетя на машине должна была отвезти ее в деревню. Одета она была в свою обычную потрепанную джинсовую куртку, бриджи и кроссовки, у ног ее стояла сумка с вещами. Настя сидела, опустив сложенные ладонями внутрь руки между колен, и следила взглядом за большим черным жуком, который медленно полз мимо по асфальту, спотыкаясь о мелкие камешки. Вот жуку хорошо, его никто не заставляет никуда ехать, да и вообще у него по жизни нет проблем. Только расправил крылья – и знай себе лети. Настя с ненавистью наступила на жука ногой и, услышав, как хрустнула под подошвой его оболочка, испытала некоторое удовлетворение. В этот момент из подъезда вышел Стас, единственный, кто после той мерзкой истории продолжал общаться с Настей так, как будто бы вообще ничего не произошло.

– Привет, – улыбнулся он девочке, поравнявшись с ней. – Как дела?

Она неопределенно пожала плечами в ответ.

– Едешь куда? – продолжал он, указывая на дорожную сумку.

– Ага, в деревню, – равнодушно ответила Настя.

– А чего такая грустная? Не хочешь ехать?

– Да хрен знает. – Она вдруг подняла на Стаса жалобный взгляд. – А ты бы поехал?

– Я б поехал, если было б куда, – ответил он. – Да ты не раскисай, все у тебя еще впереди. Вернешься – я тебя ждать буду, окей?

Почему-то в любой ситуации Стас умел вести себя так, что Настя нисколько не обижалась на него, наоборот, чувствовала к нему все большую симпатию. И при всем при том он был настоящим другом, именно другом, но таким, которого хотелось любить и быть ему близкой.

– Слушай, Стас, – сказала вдруг Настя, вспомнив об одном важном деле, которое в деревне или райцентре было уже не решить, – сходи в ларек, купи мне, пожалуйста, пачку сигарет.

– Так значит, начала все-таки курить? – с укоризной спросил Стас, словно он до последнего сомневался в испорченности девочки.

– Да я так... балуюсь скорее...

– Ну ладно, щас схожу. Тебе какие – «Kent» или «Winston»?

– Все равно, – улыбнулась Настя.

– Ладно, только не затягивайся. – И Стас пошел к ларьку. Обратного его Настя так и не дождалась. Подъехало такси, и ей пришлось садиться. Она знала, что мать обязательно позвонит диспетчеру и узнает, довезли ли ее дочь в сохранности до вокзала.

То, что произошло тем летом, я не наблюдал лично, поскольку в то время был занят поступлением в институт, все это я узнал с чужих слов. Едва Настя приехала в деревню и села в «горнице» на диван, чтобы уныло глядеть в одну точку, как к ней подошла бабушка.

– К тебе мальчик какой-то пришел, знакомый вроде бы. Там, у забора стоит, – она показала в окно. Настя равнодушно посмотрела в ту сторону, никого не увидела и отвела взгляд.

– Я не пойду никуда, – ответила она.

– Минут пять уж стоит, – продолжала бабушка, – как увидел, что ты едешь, тут же и прибежал. Как его... Леша что ли?

Это уже было интересно. Леха, тот самый парень, который некогда держал в руках ее сережки в той «достопамятной битве», привлекал Настю чуть больше других деревенских мальчишек. Она решила выйти, спросить у него, чего надо и, если он не предложит ничего интересного, тут же уйти домой и сидеть на диване, по-прежнему глядя в одну точку, до тех пор, пока ее не заберут обратно в город.

Леха, уже не тот лупоглазый, с выбитым передним зубом и явно косящий под придурка парень, а значительно возмужавший, стоял у забора, опершись подбородком о верхнюю перекладину. Так же по-старому картавя, но при этом глядя на девочку с каким-то новым, *особенным* блеском в глазах, он предложил ей идти на другой край деревни, к бессмен-

ному главарю Васе, у которого собиралась большая компания. Его старший брат недавно «откинулся на волю», то есть, проще говоря, вышел из тюрьмы, и по этому поводу устраивалась пьянка.

– Девок там совсем немного будет, – зачем-то добавил Ле-ха. – Приходи, там только тебя и ждут.

Поколебавшись еще секунду, Настя согласилась. Тому имелась одна-единственная причина: ей дико хотелось курить, а иного способа достать сигареты явно не было. О рассказе своей матери она, разумеется, помнила, но в тот момент сила вредной привычки заглушила в ней все проблески разума.

В Васином доме, самом крайнем и самом бедном во всей деревне, уже собралась большая компания, занявшая всю маленькую веранду. Тут были как старые Настины знакомые, значительно повзрослевшие и потому с трудом узнаваемые, так и совсем незнакомые ей, должно быть, из окрестных деревень и из райцентра. Девчонок тут действительно было очень мало, если говорить точнее – две или три, все толстые, некрасивые, с прокуренными голосами. На вошедших Леху с Настей они взглянули с некой смесью удивления и отвращения.

– О-о, да это же Настька! – увидев ее, радостно закричал Вася. – Настька, давай сюда!.. Пацаны, если кто не помнит, это Настька, самая, блядь, боевая девка у нас в деревне! Настька, давай сюда, щас штрафную тебе нальем!

– Сигарету сначала дайте, – хмуро ответила Настя. Она поначалу хотела просто стрельнуть у кого-нибудь полпачки и уйти, но теперь поняла, что просто так ее отсюда не выпустят.

И началась оргия, похожая на те, в которых ей уже доводилось участвовать, только с истинно деревенским колоритом. Здесь все дымили ей в лицо дешевыми сигаретами, дышали луком и рыбой, пили водку прямо из горла и танцевали под русскую попсу. Девчонки здесь запросто клеились к парням, парни столь же легко уводили их за руку для известных дел, никто ни на кого не лез с угрозами. К Насте изрядно накачавшийся Вася тоже стал тянуть руки. Она поначалу сопротивлялась, но потом, тоже изрядно опьянев, сама полезла обниматься. Скоро она уже сидела у Васи на коленях, посреди останков пиршества и пьяных в хлам гостей, сплетя руки у него на шее и целуясь с ним врасос. Кое-кто из относительно трезвых парней на это заплодировал, а другой даже крикнул: «Ого, Настька! Королева бала, ептыть!» Услышав это, Настя про себя улыбнулась. В таком состоянии этот титул как нельзя больше нравился ей.

Про Леху все как-то уже давно забыли. Никто не видел, как он, убежав на задворки, кусал от отчаяния губы и беззвучно плакал.

Наутро Настя проснулась с больной головой и мерзким

настроением. Оглядевшись, она с удивлением обнаружила, что лежит в обнимку с Васей на раздолбанной железной кровати, которую все почему-то называли «Джессикой» и на которой до этого наверняка побывало уже много телок. Она с отвращением отвернулась от Васи, тыкавшегося ей в плечо сопливым носом и дышавшего перегаром, сняла с себя его руку (тот замычал во сне, но потом нащупал подушку, обнял ее и вскоре вновь засопел), встала и оглядела остатки вчерашней пьянки и валявшихся по разным углам бухих Васиных друзей. Сейчас ей вновь хотелось только одного: курить. Однако все сигаретные пачки, которые она видела вокруг, были либо пустыми, либо внутри лежали одна-две сигареты, чего ей хватило бы ненадолго. Расталкивание спящих тоже ничего не дало: они либо вообще не просыпались, либо отмахивались от нее, посылая по известному адресу. Выход оставался один: идти в магазинчик километрах в трех от деревни. Она уже знала, что там продают спокойно, не спрашивая паспорта. Выглядела же она довольно взрослой, несмотря на небольшой размер груди.

Без зазрения совести она вытащила из кармана джинсов своего нового хахала пятьдесят рублей (да, были еще времена, когда пачка «Винстона» стоила не больше полтинника) и, не раздумывая, в одиночку отправилась в магазин, словно в путешествие своей судьбы. На ней были белая футболка с какой-то надписью на груди, короткие розовые шорты и сандалии – именно так она без задней мысли оделась перед похо-

дом на пьянку. Любой встретившийся ей половозрелый мужчина непременно испытал бы сладостное возбуждение, которое, впрочем, она непостижимым образом могла вызвать в любом наряде и при любых обстоятельствах. Но никто ей за всю дорогу так и не встретился.

Магазинчик ютился за поворотом проселочной дороги к шоссе и был скрыт в зелени соснового бора, но, несмотря на это, привлекал алкашей со всей округи. К счастью, когда Настя вошла внутрь, там было пусто, только продавщица за прилавком зевала и изредка перебрасывалась фразами с кем-то в подсобном помещении.

– «Винстон» можно? – спросила Настя, подходя к прилавку.

– Можно. А сколько вам лет, девушка? – спросила вдруг продавщица, которой самой было не больше тридцати.

– Восемнадцать, – не моргнув глазом ответила Настя.

– Да? А паспорт ваш можно? – подозрительно спросила продавщица. Видимо, за время работы здесь она научилась различать ложь, и так просто ее было не провести.

– Ой... паспорт дома забыла, – попыталась прикинуться дурочкой Настя и зашарила по несуществующим карманам.

– Да похоже, и не думала брать, – усмехнулась продавщица. – Иди-ка ты, девочка, домой. Курить вредно, между прочим.

Тогда Настя решила надавить на жалость (несмотря на юный возраст, она отлично умела притворяться). Скорчив

жалобную мордашку, она шмыгнула носом и умоляюще залепетала:

– Ну пожалуйста... Мне еще тут месяц жить, с бабушкой...

Фраза возымела должный эффект: продавщица, должно быть, вспомнив свою недавнюю юность, тяжело вздохнула и шлепнула на прилавок бело-синюю пачку.

– На... Смотри только не затягивайся. И вот тебе на сдачу жвачку.

– Оставьте себе, ладно? – улыбнулась Настя. – Как компенсацию.

Выйдя из магазина, она прикурила от старой, раздобытой где-то на оргии зажигалки и минуты три стояла, с наслаждением затягиваясь. Меж тем на лавке возле магазина собрались несколько мужиков, приехавших на великах из окрестных деревень за водкой. К Насте они, к счастью, большого интереса не проявили, один только взглянул на нее и, хмыкнув, произнес что-то вроде: «Во, бля, мелкая, а курит, как мужик». Настя и правда умела харкать совсем по-мужски, да и сигарету держала крепко, не кончиками пальцев, за что в пацанской компании к ней зачастую относились с уважением.

На обратной дороге навстречу ей попался Леха.

– Ого, Насть! – Впрочем, он выглядел не особенно удивленным. – А ты чего туда?.. А, за сигаретами, – понял он, увидев пачку у нее в руке. – Слушай, угости меня, ладно?

Настя вынула изо рта сигарету, которую уже с минуту безуспешно пыталась зажечь, и ответила:

– Ладно, только у тебя есть чем прикурить? У меня, походу, в зажигалке газ закончился.

Леха кивнул и вынул из кармана спичечный коробок. Оба закурили и некоторое время шли рядом, молча пуская дым.

– Вчера пиздец жестко побухали, – произнес наконец Леха. – Я вон до сих пор еще не отошел. Да и остальные в дрова.

Настя в ответ промолчала и сильнее затянулась.

– А ты чего с Васей вчера целовалась? – спросил вдруг Леха, и его голос чуть заметно дрогнул.

– А че такого? С кем хочу, с тем и целуюсь, – равнодушно ответила Настя.

Ничего не нашедшись на это возразить, Леха вздохнул и отвернулся. Однако спустя минуту снова повернулся к девочке.

– Так у вас что теперь – все серьезно? – спросил он, и голос его задрожал уже сильнее.

– А тебе-то какое дело? – резко выпалила в ответ Настя. – Может, тебе еще полный отчет предоставить, что у меня и с кем? – Затем, поняв, что Леха просто так не отстанет, и чтобы хоть как-то позлить его, она добавила: – А что такого? Захочу – и с Васей буду. Он-то уж получше тебя.

Леха вздрогнул уже всем телом и, отвернувшись, со злостью швырнул окурок на землю. Настя только пожалала плечами и достала из пачки новую сигарету. Впереди между дере-

вьями замаячили ветхие деревенские домики.

Пару дней спустя Настя в компании Васи и еще двух деревенских парней сидела у реки, на том самом месте, которое некогда просматривалось сквозь ветви нашей заветной плакучей ивы, на которую мы тогда залезали. Правда, это место давно уже перестало быть заветным, сюда приходили купаться молодые мамы с детишками, да и те, завидев рядом компанию громко матерящихся, гоповатых молодых людей, спешили поскорее смыться.

Оскорбляя всем своим видом чистую речную природу и ностальгию по прекрасным временам, Настя сидела на старых мостках у самой кромки воды с Васиной рукой на плече, курила и даже не смотрела по сторонам. А между тем все вокруг было точь-в-точь как в тот памятный, наш с ней день: серое небо с барашками облаков, легкая рябь на воде, сосновый лес, далекий песчаный берег на излучине реки. Только вот лодки с рыбаками, как тогда, не было, но она тут особо была и не нужна. Шумел ветер, шумели сосны, шумела и гнулась к воде плакучая ива. Вся природа словно бы сожалела о потере Настей невинности и о прошлых, лучших годах. Как единственное живое напоминание о тех годах, рядом по-прежнему маячил Леха, держась, правда, чуть позади, чтобы не попасть под горячую руку деревенского главаря и лишь изредка, подходя ближе, вставлял в вяло текущий разговор

свои реплики.

– У Машки в среду дняха, ты придешь? – спрашивал свою пассию Вася.

– Нахуя? – равнодушно отвечала Настя, по-прежнему не поднимая глаз от песка. – Опять нажрут все как свиньи, вот и все. Ничего интересного.

– Да хули ломаешься-то, пошли, – настаивал Вася. – Я иду, значит, и ты идешь.

– Я че, бля, собачка твоя – за тобой всюду ходить? – резко отвечала Настя.

– А помнишь, Настюх, как ты Пашке толстому тогда пизды дала? – подскакивал Леха. – Он щас кстати где, кто-нить знает?

– Хуй его знает, – бросал на это Вася и снова поворачивался к девушке: – Не пойдешь? Ну смотри, пожалеешь.

– И че ты мне сделаешь? – язвительно спрашивала на это Настя и, когда Вася не находил что ответить, продолжала: – Ну и не лезь ко мне. Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь. Все, отъебись.

– А помнишь, Насть, как мы поспорили, кто вон на ту сосну быстрее залезет, и ты всех обогнала? – снова пытался воззвать к ностальгии Леха.

– Слышь, тебе какого хуя тут надо? Отвали от нее, бля, – наконец оборвал его Вася, делая большой глоток из бутылки с пивом и, глядя на Леху мутным взглядом, сжал свободную руку в кулак. Леха попытался было спорить, но два

Васиных дружка-амбала, два его телохранителя, придвинулись к нему, угрожающе поигрывая бицепсами. Леха вконец сдался, тем более что Настя проявляла к нему интереса не больше, чем к застрявшей в песке ракушке, и ретировался куда-то вглубь леса, должно быть, к своей заветной сосне, постоять возле нее и поплакаться на тяжелую судьбу. Настя же еще некоторое время сидела со своим новым «воздыхателем» и его гориллоподобными дружками возле реки, потом вдруг громко произнесла: «Пойду я. Мне тут с вами скучно» и, скинув с себя вялую руку кавалера, пошла по крутому песчаному берегу наверх. Вася, веки которого отяжелели от пива, и он уже с трудом соображал, еще протягивал руку ей вслед и лениво звал: «Насть! Настюха! Ты куда? Вернись, я те че скажу!», но больше никаких попыток удержать ее не предпринимал. Его дружкам было тем более наплевать, и Настя, беспрепятственно поднявшись наверх, скрылась в густом лесу.

По давно знакомой тропинке она шла между величественными соснами к деревне, абсолютно одна в этом мире, так и источавшая сладостный аромат греха, заглушавший даже аромат смолистых сосен. На природу вокруг ей было наплевать, она смотрела только на экран мобильного телефона, поэтому и не заметила вовремя опасности впереди. А тут еще солнце, некстати выглянувшее из-за туч, пробилось своими лучами сквозь заросли ольхи и ударило прямо ей в глаза, заставив сморщиться и закрыть ладонью. Скорее смутно

ощутив, чем увидев впереди какое-то движение, она подняла голову, и внутри у нее все перевернулось. Навстречу ей зигзагами двигался высокий худой парень с немытыми всклокоченными волосами и в потертой темной рубахе. Что-то в его лице было до боли знакомым и, внимательней взглядевшись, Настя поняла, *что* именно. Какие-то неуловимые черты возле глаз и складки на подбородке были точь-в-точь как у Васи. И тут она наконец поняла, что это был его брат – бывший зэк, в честь которого была устроена та вечеринка и которого она видела на ней лишь мельком. Почти поравнявшись с ней, он вдруг остановился, словно только сейчас сообразил, кто перед ним, и слегка присел, широко расставив руки и полностью загородив Насте дорогу.

– Опа-на! А кто это тут у нас? – воскликнул он сиплым голосом.

– Никто. Пусти, – хмуро ответила Настя и попыталась пройти мимо, но тут же поняла, что сделать это будет весьма трудно. Страшный брат-уголовник надвигался на нее, дыша перегаром и вращая глазами с кровавыми прожилками на белках. Звать на помощь или бежать было уже поздно.

– Эй, эй, эй, хватит, тормозни! – крикнула она только, когда недавно откинувшийся навалился на нее всем телом, разрывая жилистыми волосатыми руками футболку на ней и валя ее в сторону от дороги, в кусты ольхи.

– Не надо, я сама! – воскликнула она, когда он стал со звериным рыком сдирать с нее шортики. – Я сама, – повторила

уже тише и сдавленно всхлипнула. Брат Васи удовлетворенно хмыкнул, глядя, как она стягивает с себя шорты вместе с трусами. Настя же в этот момент думала только об одном: не нахватать бы здесь, в листве, клещей.

Солнце, пробиваясь сквозь кусты, бесстыдно глядело на девочку. Она же лежала на спине под горячим потным телом, полностью расслабившись и снова глядя куда-то вверх, и впервые с того дня, когда познакомилась с Владом, ощущала себя по-настоящему грязной. Вот только в этот раз она уже не плакала. А если слезы и текли из ее глаз, то только из-за солнца...

...На следующее утро, едва только солнце выглянуло из-за кромки леса на том берегу, возле нашего пляжа уже собралась компания. В центре ее стоял Леха, недоуменно хлопая глазами и озираясь вокруг. Его на рассвете выдернули из теплой постели и, ни слова не говоря, притащили сюда. Прodelавшие это два амбала стояли у него за спиной со скрещенными на груди руками и независимым видом. Напротив них со сжатыми кулаками и злобным лицом стоял Вася, позади него – еще двое деревенских парней, и совсем позади, отдельно от всех, отвернувшись, стояла Настя.

– Вась, объясни, чего я такого сделал-то? – осмелился спросить Леха, чувствуя, что все враждебные взгляды компании прикованы к нему одному – тут любой идиот бы понял.

– Он тебя вчера трахнул? – не достаивая его ответом,

спросил главарь у Насти. Та, не оборачиваясь, кивнула.

– Ребят, да вы че, у меня и в мыслях такого не было, – залепетал Леха, испуганно озираясь и пытаюсь хотя бы в одном взгляде найти сочувствие.

– На чужих телок потянуло, да? – злобно растягивая слова, произнес Вася. – Гондон, бля... – И он с размаху двинул Леху по скуле. Тот упал, что-то жалобно проскулив. Вася пнул его еще два раза ногой, а затем продолжил избивание кулаками. Вскоре подключились и двое его друзей: те, впрочем, больше перебивались одиночными пинками. Два амбала-телохранителя встали с двух сторон на стреме, поглядывая в сторону леса.

– Ай, ай!.. Не трахал я никого, клянусь!.. – вопил Леха. – Настька, скажи, не было же ничего!.. А-aaa!..

Настя, отвернувшись к реке, спокойно курила. Лицо ее было абсолютно бесстрастным.

Минул год. За это время парней у Насти побывало бесчисленное количество. Она меняла их почти как носки, точнее, как колготки, потому как носки она не надевала уже давно, считая их наименее женственной частью гардероба. С некоторыми отношения длились два-три дня, с другими – растягивались на месяц, но не дольше. С одним из них все даже закончилось дракой, в которой она разбила ему нос и едва не выцарапала глаза. Почти все после разрыва с ней чувствовала

ли себя очень тяжело, один, поговаривали, даже покончил с собой.

– Она, как наркотик, всех затягивала, – говорил мне спустя много времени Стас. – Входили-то в нее легко, а вот выходили с трудом.

В короткой джинсовой юбке, светло-зеленом жакете и красных лакированных сапожках, ярко покрашенная, Настя перебежала улицу, по-вечернему нарядно сиявшую огнями, и вошла в полупустое кафе. Артем дождался ее за столиком у окна, нервно комкая в руках салфетку. Она подошла, небрежно поздоровалась и села напротив. Подошедшей официантке она заказала чашку кофе.

– Мне тоже, – робко попросил Артем.

Настя с удивлением уставилась на стоявшую перед ним пустую чашку с кофейным осадком.

– Ты же уже пил кофе, – укоризненно произнесла она.

– Ну да, – нервно сглотнув, кивнул Артем. – Я просто долго ждал тебя... – Он смутился и замолчал.

– А ты знаешь, что много кофе на ночь пить вредно? – безжалостно продолжала Настя. – Ты же после этого долго заснуть не сможешь. А тебе еще завтра в школу рано вставать.

Вконец смущенный, Артем опустил голову и лишь беззвучно зашевелил губами.

– Так нести кофе или как? – спросила официантка Артема.

– Ему – нет, – ответила за него Настя. – А вот мне, пожалуйста, принесите два.

Артем вскинул было голову, но промолчал и снова уставился куда-то вниз. Настя тем временем достала из сумочки зеркальце и косметичку и, ничуть не смущаясь присутствием кавалера, начала поправлять прическу, подкрашивать ресницы и пудрить носик.

– Ты говоришь, долго ждал меня, – произнесла она, не отрывая взгляда от зеркала. – Я что же, по-твоему, опоздала так сильно?

– Да нет, нет, что ты, – кинулся успокаивать ее Артем, в то время как оба прекрасно знали, что она опоздала чуть ли не на целый час, – я тебя готов был еще дольше ждать.

Оценив двусмысленность этой фразы, Настя пристально посмотрела на Артема, и тот, едва не плача, отвернулся и закусил губу. Настя мельком взглянула в окно, за которым, отражаясь в стекле, красиво мигали уличные фонари, пронеслись машины, шли влюбленные парочки. Все это выглядело довольно романтично, но Настя давно уже перестала обращать на подобные вещи внимание. Никакого интереса они для нее не представляли.

– Скучно мне с тобой, Артемка, – произнесла она невесело, отрывая взгляд от окна и вновь переводя его на покорно сжавшегося воздыхателя. – Даже и не знаю, почему мы вме-

сте.

...С Артемом она встречалась всего неделю. Никаких достоинств у него и правда не было, кроме, пожалуй, одного: родители у него надолго уехали в отпуск, и его квартира на время превратилась в место для всевозможных пьянок, тусовок, посиделок, на которых Настя могла запросто найти себе новых парней.

– Насть, я, конечно, все понимаю, у тебя сейчас такой возраст, но все-таки – зачем встречаться с мальчиком, который младше тебя на два года? – спрашивала у нее мать, которая, поскольку Настя растеряла всех своих прежних подруг, стала ей главной подругой и советчицей во всех вопросах, в том числе и в любовных.

– Мам, успокойся, уж я как-нибудь сама разберусь, – отвечала на это дочка, красясь у зеркала перед очередным свиданием.

Артему действительно не было еще и четырнадцати лет, и Настя сама не понимала, зачем продолжала с ним встречаться – должно быть, по давней привычке привлекать к себе всех парней, кем бы они ни были. Хотя поначалу новый ухажер даже нравился ей. Голубоглазый кудрявый блондин, похожий на ангелочка или купидона, и в то же время в его лице было что-то такое, что сразу становилось ясно: этот мальчик не так-то прост, он уже успел кое-что познать. Но после нескольких встреч с ним эта мнимая взрослость растворилась, как сигаретный дым.

«Не кури рядом со мной – родители почуют и подумают, что это я курил». «Не пойду сегодня гулять – завтра по истории контрольная». «У тебя духи сегодня прямо как у моей старшей сестры, когда она на дискотеку идет. Говорят, такими только шлюхи пользуются». Еле сдерживаясь, чтобы не треснуть его как следует, Настя затем решила, что будет вести себя с ним как с непослушным ребенком – постоянно напоминать ему о родителях, о школе, словом, быть ему как бы второй мамочкой. Артем ужасно стыдился этого, особенно при посторонних, и потому рядом с Настей стал вести себя тише воды ниже травы. С одной стороны, ей это нравилось, с другой – надоедало. Однажды с подобным хлюпиком у нее уже были отношения, и она понимала, что ничем хорошим это не кончится.

Все закончилось в тот день, когда она наконец-то решилась переспать с ним. Произошло это на очередной вечеринке у него в квартире, после нескольких бокалов вина. Закрывшись с Артемом в тесной, никогда не проветриваемой комнатке со стыдливо опущенными шторами и плакатами поп-звезд на стенах, она явила ему всю свою страсть, всю сущность шлюхи, которую, надо сказать, являла в постели далеко не каждому. Но «Хлюпик №2», едва увидел ее голое, развратное, выдавшее многое тело, так сразу мелко затрясся и даже губу закусил, словно вот-вот заплачет. А когда он кончил всего через минуту и при этом чуть гондон не порвал, Настя поняла, что с ним у нее все кончено. Стукнув его по

спине сумочкой и накричав на него, чтобы еще больше уни- зить, она быстро оделась и вышла из спальни. Однако ухо- дить с тусовки она пока не собиралась. Кто-то в самом нача- ле веселья шепнул ей, что сюда скоро придет одна девчонка, которая работает, именно *работает*, в самом грязном смыс- ле этого слова. Настя поискала ее глазами в гостиной и уви- дела сразу же. Для нее выделить в пестрой толпе професси- ональную проститутку было делом совсем простым. «Рабо- тающая» сидела у края стола в одиночестве и пила шампан- ское. Короткие темно-каштановые волосы смотрелись как парик, а, может быть, им и были. Выглядела она на два-три года моложе Насти, что, впрочем, было в этой компании не так странно. Настя тут же подседа к ней, познакомилась, раз- говорилась. И, – неудивительно – они тут же нашли общий язык. Звали малолетнюю «жрицу любви» Евой (судя по все- му, имя было настоящее), проституцией она занималась, по ее словам, около двух лет. Из ее рассказа Настя узнала о том, что родной отец часто насиловал ее в детстве, и она к этому с ранних лет привыкла. Потом, правда, отца забрали в тюрь- му, а Ева сбежала из детдома и, чтобы не умереть с голоду, стала зарабатывать, совмещая таким образом приятное с по- лезным. Узнав, что Настя хочет выведать у нее все секреты «профессионального мастерства», она ничуть не смутилась и принялась рассказывать. Веселье в квартире к этому вре- мени уже угасло, гости разошлись по углам или вообще сва- лили, а две девушки сидели за столом в уютном полумраке

гостиной, под свежим ночным ветерком (совсем как тогда, на первой в Настиной жизни вписке), пили шампанское и мирно разговаривали. Настя извлекла пачку «Винстона» (теперь она выглядела достаточно взрослой, чтобы ей спокойно продавали сигареты и бухло), предложила новой знакомой. Та сморщилась.

– Я это дерьмо давно уже не курю. Вот, лучше моих по-пробуй.

Она выложила из сумочки на стол пачку совсем тонких женских сигарет, на которые Настя раньше смотрела с презрением. Теперь же оказалось, что они гораздо приятнее на вкус, да и выглядела она с ними более женственной.

– Ты, главное, научись одной рукой прикуривать, – поучала ее Ева, глядя, как она сжимает в ладонях дешевую зажигалку. – Так выглядит красивее. Лучше, конечно, зажигалку с откидной крышкой купить, только стоят они дороже. Вот, а теперь затянись сильнее, только весь дым не сразу выдыхай, а постепенно. Знаешь, почему мы, шлюхи, всегда курим? Думаешь, работа у нас такая тяжелая? Нет, нас специально этому учат, чтобы клиентов привлекать. Кто не курит, тем приходится привыкнуть.

Еще многое Настя узнала в ту ночь от Евы и одновременно с этим поняла, как ей повезло не стать проституткой. Все-таки заниматься сексом по принуждению и почти каждый день – нелегкое занятие.

...Было около четырех утра, когда Настя вошла к себе в

подъезд. Без сожаления она докурила последнюю сигарету из своей пачки, которая померцала теплым огоньком в сумраке подъезда, а затем погасла, раздавленная каблуком сапога на полу, среди множества других окурков. Голова у девушки кружилась от вина и множества новых впечатлений. Шатаясь, она поднялась к себе на площадку по заплыванной лестнице, мимо разрисованных стен, но перед дверью квартиры на несколько секунд остановилась, поправила волосы, провела ладонями по лицу и вскоре уже выглядела так, словно и не пила. Была у нее такая способность, приобретенная упорными тренировками – сколько бы она ни выпивала, перед родителями всегда выглядела трезвой. После горького опыта первой пьянки ей это было как раз на руку.

Едва Настя дотронулась до звонка, как дверь распахнулась. Мать, которая, похоже, и не думала ложиться спать, молча отступила назад, пропуская дочь в квартиру. Из гостиной, где слабо мерцал экран телевизора, вышел отец.

– Ты где была? – сурово нахмурившись, спросил он.

– У Артема я была, развлекалась, – невозмутимо ответила Настя, разуваясь и направляясь в свою комнату.

– Ты хоть знаешь, сколько времени?! – загремел отец, не особо, впрочем, напугав дочку. – Мы с мамой волнуемся, не спим всю ночь, а она, видите ли, развлекается!

Уже коснувшись двери своей комнаты, Настя вдруг обернулась и ледяным голосом промолвила:

– Да, развлекаюсь. И буду делать что хочу. Я уже почти

взрослая девушка. Захочу – сюда всех позову, а захочу – вообще домой не приду.

– Да ты... ты как смеешь так с родителями разговаривать?! – вспыхнул отец, едва не задохнувшись от возмущения. Еле совладав с собой, он продолжил уже спокойнее: – Что, небось пила там, траву курила, с мальчиками?.. Лена, да взгляни на нее, у нее на лице все написано! Да ты знаешь кто?! Ты... шлюха!

Мать, до этого молчавшая, шагнула вперед с сердитым окриком: «Витя!..» Лицо Насти вспыхнуло яростным румянцем, пальцы сами собой сжались в кулаки. Нельзя было представить более оскорбительного слова для нее. Отец и сам понял, что перегнул палку, и смущенно отвернулся. Но потом Настя сдержалась и все с тем же ледяным спокойствием ответила:

– Я не шлюха. Шлюхи дают каждому и за деньги. А я сплю не со всеми и бесплатно. Я не такая... как все.

И, повернувшись, она громко хлопнула дверью комнаты.

«Не такая, как все!» Именно это выражение приходило мне на ум, когда я думал о ней в то время. Я так и представлял себе ее: высокая, чей рост из-за каблучков казался еще выше, одетая в сапоги и мини-юбку, с маленьким рюкзачком за плечами, она с гордо поднятой светловолосой головой шла по людной улице, выделяясь из толпы, словно бы освещая

собой путь впереди, и все прохожие расступались перед ней, а потом еще долго с изумлением смотрели ей вслед. «Героиней нашего времени» ни много ни мало была она для меня. Правда, такой образ держался в моем сознании недолго – совсем скоро мне, да и ей пришлось с ним расстаться. Все потому, что она вскоре после той встречи с Евой покрасила волосы в черный цвет. Нельзя сказать, чтобы она поддавалась моде на эмо-культуру, очень популярную в то время, скорее всего, просто решила кардинально изменить свой образ, и это, надо сказать, ей удалось. Из всем известной страстной, волевой и решительной Настьки она превратилась в по-настоящему хрупкую и женственную, и оттого еще более привлекательную, натуру. Знакомство же ее родителей с этим новым стилем прошло прямо как по сценарию сериала: дочка пришла домой в вязаной шапочке (дело было летом), не разуваясь прошла к себе в комнату и плюхнулась на кровать. Когда в комнату вошла тетя Лена, чтобы позвать ее ужинать, Настя лежала не шевелясь, словно уснула. Мама несколько раз окликнула ее и, не получив ответа, подошла и потрясла ее за плечо. Настя в ответ что-то промычала, и мать, как в старые добрые времена детства, ласково провела по ее спине ладонью снизу вверх. Дошла до головы, и, чтобы, как и раньше, погладить дочку по волосам, стянула с головы шапку. Удивлению матери не было предела: по подушке Насти, никогда прежде не красившейся, густой копной рассыпались черные, с блеском, волосы.

Пару дней спустя в квартиру на домашний телефон раздался звонок. Подошла мать. Через минуту заглянула к дочери в комнату.

– Насть, там тебя... Говорят, какая-то твоя знакомая.

Удивившись про себя, Настя подошла к телефону.

– Алло, Настя, привет! – раздался в трубке смутно знакомый голос. – Это Олеся, помнишь меня?..

... Восторгу Насти не было предела – встретиться со старой подругой, о которой она ничего не слышала уже больше года! Оказалось, что за это время Олеся успела выйти замуж за Диму, родить мальчика, и теперь жила на съемной квартире в центре города, радуясь, что смогла наконец-то съехать от ненавистных родителей.

Они встретились на следующий день на *** площади, среди толпы гуляющих с колясками мам и влюбленных парочек, под радостным воскресным солнцем. Настю Олеся узнала с трудом – помимо черных волос и макияжа, на ней была белоснежная куртка, а на плече – модная сумочка; такой она совсем не привыкла видеть подругу. Но и Олеся, заметно пополневшая и повзрослевшая лицом, с детской коляской перед собой, была очень похожа на других молодых мам вокруг, но никак не на прежнюю саму себя. Особенно Насте понравился малыш в коляске – розовощекий, круглолицый, глазами весь в маму, а губами и подбородком – в папу.

– Олешкой назвали, – с гордостью сообщила Олеся. – Дима так захотел, я не против была. А что, Олег Дмитриевич

– солидно звучит, как думаешь? Прямо как начальник какой-нибудь.

Настя, умиляясь как только могла, склонялась над маленьким Олежкой, улыбалась ему, просила разрешения взять на руки. Еще никогда раньше ей не приходилось так близко видеть такого чудесного карапуза, и сын подружки вызывал у нее какой-то особый восторг.

Они долго гуляли по площади и парковым аллеям, беседуя о старых временах и о том, что случилось за тот год, что они не виделись. Настя предложила подружке сигарету, но та отказалась: «Уже год не курю. Тогда, когда в положении была, пришлось бросить, а сейчас не тянет совсем». Они прошли по парку еще раз. Взгляд Насти как-то случайно упал на двух девчонок и одного парня, которые держали под уздцы лошадей для прогулок, курили и разговаривали. Вот ведь странно: никогда не любя лошадей, я, тем не менее, испытывал некоторую симпатию к молодым девчонкам, которые их выгуливали (один мой школьный учитель был похожего мнения). Особую романтику, должно быть, навевала сцена в том самом парке, когда было пасмурно и пусто, и лишь пара девчонок с лошадьёю стояла возле скамейки.

Полюбовавшись на лошадей, они отправились домой к Олесе. Дима в это время еще был на работе (ему пришлось бросить строительный техникум и устроиться в магазин, чтобы хоть как-то прокармливать семью). Квартира была хоть и в центре, но совсем небольшая, однокомнатная, в этой ком-

нате помещались только диван и детская кровать. Но молодые супруги, видимо, вполне довольны были и этим немногим. Пока Олеся на кухне разогревала молоко, Настя присматривала за Олежкой: играла с ним, таскала на руках по всей квартире и выходила на балкон, потом ей даже пришлось менять ему подгузник. К тому времени, как с кухни вернулась Олеся с соской, Настя порядком утомилась, но, когда ребенок заснул, она не смогла при взгляде на него скрыть слез умиления. С того дня Настя и поняла, что очень сильно любит маленьких детей, что было, на мой взгляд, несколько странно, но в то же время открывало в ней такую черту, за которую все потом так любили ее.

Однажды (дело было ранней весной, когда снег еще только начинал сходить и земля проглядывала наружу большими черными пятнами) Настя ехала в автобусе на другой конец города по делам, известным только ей одной. Зажатая в конец салона будничной толпой, она безразлично глядела в окно на мокрый асфальт, на угрюмые лица прохожих и на проносившиеся мимо серые громады домов, с одной из которых она однажды чуть не сверзилась вниз. Случайно взглянув вперед, она вдруг заметила среди пассажиров чье-то неумолимо знакомое лицо. Вглядевшись в него внимательней, она обомлела: это был Денис, ее первая и давно забытая любовь. Правда, теперь он повзрослел, уже не выглядел хлюпиком,

хотя по-прежнему был красивым. Пока Настя размышляла, что же делать, он внезапно повернул голову и уставился прямо на нее. Настя поскорее отвернулась, но было уже поздно: он ее узнал и принялся проталкиваться к ней сквозь толпу. Сердце у Насти билось изо всех сил, она уже не в силах была совладать с собой и, как только автобус остановился, благо дверь была рядом, выскочила наружу и, забрызгивая джинсы грязью, быстро пошла прочь.

– Настя! Настя! Стой! Подожди! – раздалось у нее за спиной.

Сердце ее колотилось как бешеное, но она, не оборачиваясь и не ускоряя шаг, твердо шла вперед. Места были ей совсем незнакомы: голые мокрые деревья кругом, длинное шоссе без какого-либо намека на жилье, быдловатый народ на остановке, но она продолжала идти вперед, лишь бы не видеть *его*. За спиной у нее раздались быстрые шаги, и тут же слабая рука, резко схватив ее за плечо, попыталась развернуть к себе лицом.

– Пусти меня! – резко мотнув назад головой, крикнула она и на этот раз ускорила шаг. Денис еще пару раз попытался остановить ее, затем вдруг с неожиданной прытью забежал вперед и загородил Насте дорогу. Она попыталась обойти его, но тут же поняла, что он так просто от нее не отстанет.

– Насть, ну прости! Ну неужели за столько лет ты меня не простила?.. Ну хочешь, я на колени встану? – «Хлюпик» и вправду готов был до такого унизиться. Настя с омерзени-

ем отвернулась и подумала вдруг: а что если бы у них *тогда* ничего не было, если бы она вообще этого смешного парня не знала, а только сейчас встретила бы? Наверняка бы он ей если не понравился, то хотя бы вызвал некоторую симпатию, и, может быть, об *этом* с ним она тоже подумала бы. Так, может быть, особо и не заморачиваться насчет того, что было когда-то там давно? Все-таки она посмотрела на него с недовольным видом и промолвила:

– Да простила я тебя уже тогда. Только сейчас-то ты чего хочешь? Все у нас уже давно кончилось. Если вообще что-то было, – вполголоса добавила она и, обойдя Дениса стороной, пошла зачем-то к длинному земляному холму, который уже покрылся недавно освободившейся из-под снега низкой промерзлой травой. Денис с криком: «Ну подожди же!» снова догнал ее, схватил за плечо. Она вырвалась и устало опустилась на траву на склоне.

– Ну? Чего тебе надо?

Он вдруг смущенно пожал плечами, затем как-то совсем по-девичьи, прикрыв ладошкой рот, хихикнул и сел рядом.

– Да ничего... Так, хотел просто узнать – как дела, что вообще за все это время нового случилось?

Она, глядя в землю, усмехнулась в ответ, затем привычным движением вытянула сигарету, прикурила. Он смотрел на нее, не шевелясь и ничего не говоря. Так и сидели они вдвоем, молча, на склоне холма, и над ними расстилалось грязно-белое небо, на самом краю которого тускло светило

едва проглядывавшее из-за облаков солнце, похожее на растекшийся по тарелке яичный желток. Если бы не проносившиеся по шоссе машины, они бы в этом бесконечном мире были совсем одни...

...А потом они долго говорили. Обо всем, что случилось за пять лет их разлуки. Настя даже искренне смеялась, вспоминая, как они когда-то были молоды и глупы. Судьба в последнее время заставляла ее испытывать ностальгию, подсывая старых друзей из *той*, прошлой жизни. Вот только Денис был совсем далеким воспоминанием, словно бы призраком.

Скоро начало темнеть, вдоль шоссе потянулись длинной цепочкой яркие огни фонарей. Фары машин несли мягкий и уютный свет цивилизации. А где-то вдалеке город жил своей отдельной жизнью, мерцал огнями, дымил трубами, шумел вокзалами, и ему не было никакого дела до двух сидевших где-то рядом с обочиной шоссе молодых людей. Да и им до него – тоже...

...Денис увлеченно рассказывал какой-то забавный случай из жизни. Захлебываясь от восторга и широко расставив руки, забыв обо всем, он поднялся на ноги и пятился спиной к шоссе. Настя, по-прежнему смотря в землю, тихо смеялась, сама не зная почему, просто от радости, от сознания того, что она здесь и сейчас... Мощный автомобильный гудок она услышала совсем рядом, когда было уже поздно... Сразу вслед за этим раздался жуткий скрежет тормозов и глухой

звук удара...

Огромный рейсовый автобус, промчавшись мимо, легко смел с дороги Дениса. Только что тут стоял – и уже нет... Дальнейшее для Насти происходило словно в немом кино – без звука. Она помнила только, что бежала по обочине вперед, туда, где наконец затормозил автобус, оставив позади себя кровавый след, и в голове у нее билась одна-единственная мысль: «Это я – я должна была быть вместо него...»

Спустя полчаса на месте трагедии были милиция, «скорая» и, как водится, толпа любопытных. Тело с залитого кровью асфальта подняли и в черном мешке погрузили в кузов машины. Но всего этого Настя не видела, хотя по-прежнему была здесь. С широко раскрытыми, безумными глазами она иступленно билась в руках санитаров и не могла уже ни кричать, ни рыдать...

С того дня о Насте долгое время ничего не было слышно. Одни говорили, что после той трагедии ее отправили лечиться в санаторий, другие – что прямо в психушку, третьи – что она вообще покончила с собой. Кому из них верить, было непонятно, тем более что свежих новостей о ней не поступало ни от кого, даже от ее родителей. Честно говоря, мне в то время это было совсем неинтересно, поскольку у меня было много своих забот – учеба, работа, отношения. К чему было думать о какой-то полузабытой подруге детства? Я бы

даже не удивился, узнав, что она умерла...

Пару месяцев спустя после той страшной трагедии, когда весна еще официально не кончилась, но уже полностью уступила свои права лету, в недавно открывшемся в городе ночном клубе веселье было в самом разгаре. У барной стойки висели несколько довольно взрослых девиц, рядом с ними вертелся смазливый паренек помоложе. Сразу было видно, что он пришел вместе с ними, но в то же время надеялся отхватить здесь чего-нибудь поинтереснее, потому как с интересом оглядывался вокруг и стрелял глазами во всех проходивших мимо девчонок. Наконец, когда он изрядно накачался коктейлями, одна из девиц, судя по всему, его старшая сестра, предложила ему пойти поразвлечься. Он с радостью слез со стула и пошел по залу сквозь толпу танцующих, сам пританцовывая в такт музыке. Несколько девушек ответили отказом на его предложение познакомиться, и парень, почти разочаровавшийся, готов был вернуться к стойке и продолжить пить, но в этот момент заиграл медляк, и танцпол превратился в сборище обнимающихся парочек, а те, кому пары не хватило, отошли к стенкам или в бар. Парень, оказавшись внезапно в центре зала, покрутился еще туда-сюда и вдруг заметил у стены неподалеку девушку, которая сразу почему-то привлекла его внимание. Не внешностью, нет, – в зале было много девушек покрасивее, – но чем-то другим,

тем, чего он сам не мог объяснить и чего не было ни у кого другого в этом клубе. Одета она была вполне заурядно для тусовщицы – черная футболка, джинсовая мини-юбка, темные колготки, туфли на шпильках. Нет, тут дело было в чем-то совсем другом. Так сильно эта таинственная незнакомка тянула парня к себе посреди этой громкой музыки и разноцветных огней, что он решительно направился прямо к ней. Она не обратила на него никакого внимания, продолжая задумчиво смотреть куда-то поверх голов танцующих и вообще, судя по всему, не испытывая ни к чему интереса.

– Девушка, не хотите со мной потанцевать? – вырвалось у парня, хотя он хотел сказать свою стандартную фразу: «Можно с вами познакомиться?»

– А я не танцую, – резко ответила девушка, мельком взглянув на него, и снова уставилась в потолок.

Неудача парня на этот раз не смутила (он был готов к такому ответу), и он принялся настаивать. К тому времени, как снова включили медляк, девушка согласилась. Стоя к ней вплотную, парень испытывал двойные ощущения. С одной стороны, он чувствовал аромат ее духов, от которого прямо-таки веяло свежестью. С другой – совсем рядом ощущал ее тепло, и от этого ему было особенно комфортно и уютно. Ее длинные черные волосы красиво блестели в свете ламп, и этот блеск радовал его взгляд, как и томно-мечтательное выражение больших карих глаз незнакомки. Словом, эта девушка была именно тем идеалом, который он всегда себе

представлял.

Но вот медляк закончился, и красавица мечты убежала из зала, сказав, что ненадолго. К тому времени парень уже начал трезветь, и эйфория вместе с алкоголем выходила из него, поэтому он снова двинулся к стойке, где его ждала сестра со своими подругами.

Около двух часов ночи, когда они всей компанией вышли из клуба, он снова увидел прекрасную незнакомку. Она, уже в белой с черными вставками куртке, стояла неподалеку от входа, курила и не смотрела по сторонам.

– О-о, Макс, вот и телка твоя новая! – крикнула изрядно подвыпившая Ирка, подруга его сестры. – Иди давай с ней!.. Или может нас сначала пригласишь?

– Ага, как же, очень смешно, – саркастически промолвила незнакомка и, бросив на асфальт окурков, пошла прочь. Парень, чувствуя свою вину, под громкий хохот своих девчонок кинулся за ней.

– Подожди! Ты не так все поняла! Ну не обижайся на них, они же пьяные! – крикнул он, догнав девушку. – Ну я же подумал... после того, что там было... Может быть, у нас что-нибудь получится?.. Меня Максим, кстати, зовут, а тебя?

Она наконец остановилась, взглянула на него, и на губах ее заиграла улыбка, сразу сделав ее еще более привлекательной.

– Аня, – произнесла она, подавая ему руку.

После гибели Дениса Настя с истерикой попала в санаторий в другой области, на природе. Когда через месяц ее мать навестила дочь, та выглядела уже не такой изможденной, как в первый день, на щеках играл румянец. Правда, врачи жаловались, что она временами совсем отказывается от еды и порой доводит всех вокруг до крика. Вняв мольбам дочери и врачей, мать увезла ее домой. Едва оказавшись в квартире, Настя заперлась в своей комнате и целый день оттуда не выходила. Как только с работы пришел ее отец, тетя Лена кинулась к нему.

– Вить, сделай что-нибудь! Она с утра сидит у себя на окне, только курит и ничего не ест!

– Ну, а я что сделаю? Сама с ней поговори, – грубо ответил отец.

– Нет, ну ты все-таки мужчина! Скажи что-нибудь такое, чтобы она сразу послушалась!

Отец на это только махнул рукой и ушел в гостиную смотреть телевизор.

Настя и правда целый день сидела, подогнув колени и опершись спиной на раму, на подоконнике у раскрытого окна, в длинной тельняшке и темных колготках, которые она теперь носила всегда и везде, смотрела на улицу и курила одну сигарету за другой. Жизнь снаружи, надо сказать, была довольно унылой. Вот на детской площадке, где из-за пасмурной погоды никого не было, появилась пожилая женщи-

на с годовалым малышом. Ребенок кинулся сначала в песочницу, затем на качели, потом стал просто бегать по дорожкам. Полгода назад это зрелище вызвало бы у Насти восторг и умиление. Теперь же она только равнодушно выпустила из губ клуб дыма и бросила окурков на асфальтированную дорожку, где уже белело с полдюжины таких же. Малыш, заметив упавшую сверху непонятную штучку, кинулся к ней, но женщина вовремя подхватила его на руки.

– Девушка, а можно сюда не кидать? – укоризненно посмотрев на Настю, спросила она. – Здесь же все-таки чистое место. И потом, детки играют.

Промолчав в ответ, Настя показала женщине средний палец и демонстративно прикурила новую сигарету. Женщина злобно прошептала что-то себе под нос и, взяв ребенка за руку, поскорее увела его с площадки.

Некоторое время спустя знакомый парнишка со двора, проходя внизу, крикнул дурацким голосом:

– Настька, смотри не свались! И письку береги!

Она со злостью на лице показала средний палец и ему, но он, только засмеявшись, прошел мимо. «Настька»! Теперь все звали ее только так и никак иначе. И в этом уничижительном имени, как ей казалось, отражалась вся ее грязная сущность.

Когда в сгущавшихся сумерках мать зашла к ней в комнату, чтобы все-таки поговорить, дочка по-прежнему сидела, не отрывая взгляда от грифельно-серого неба и громад

новостроек. Тетя Лена со вздохом огляделась и вспомнила, что когда-то в детстве Настя была очень аккуратной, всегда прибирала свои игрушки и одежду на места, застилала кровать, даже сама вытирала пыль. Теперь же комната изменилась до неузнаваемости: одежда и косметика разбросаны где попало, пустые пачки из блока сигарет, который Настя упростила мать купить по пути домой (в санатории ей курить не разрешали), валялись рядом, не закончившиеся же еще пачки были свалены горкой на столе, куда с подоконника было удобней всего дотянуться. Родители не курили и пепельницы в доме тоже не было, поэтому Настя и выбрасывала окурки прямо в окно.

Прежде чем начать разговор, мать прошлась по комнате, подняла с пола старые колготки и косметичку, затем, решившись, направилась к дочери.

– Фу, Насть, ну может хватит уже курить? – заговорила она, ласково глядя дочь по коленке. – У тебя и так сердечко слабое, я тебе это как врач говорю.

– Мама! – обернувшись, резко произнесла Настя. – Я тебе сколько раз говорила! – Затем, отвернувшись, добавила уже мягче: – Я тонкие курю, от них ничего не станет.

Не решившись ничего на это сказать, мать снова ласково погладила дочку, на этот раз по плечу. Какая же она худая, подумала она про Настю. Она и раньше-то была совсем не толстая, а уж теперь, после санатория, только кожа да кости остались [при этом, надо сказать, красоты она отнюдь не по-

теряла и выглядела совсем не как анорексичка из телешоу, да и цвет лица был обычный, так что она по-прежнему могла привлекать к себе парней].

– Сходила бы, доченька, покушала, – принялась настаивать мать, – с самого утра же ничего не ела.

– Ну мам! – так же резко дернулась в ее сторону Настя. И снова тихо добавила: – Я не хочу есть.

Не выдержав, мать смахнула с подоконника пепел и села рядом с дочкой.

– Настенька, ну что с тобой такое? Ты целый день сама не своя. Расскажи, что случилось. Я же все-таки мама твоя, не чужой кто-то.

Настя выбросила окурок и впервые взглянула на мать без злости. В глазах ее даже блеснули слезы.

– Mam, да если бы я сама знала, что со мной такое! – заговорила она, спокойным, впрочем, голосом. – У тебя бывали такие моменты, когда тебе вообще ничего не хотелось делать... или, может, ты просто не знала, чего тебе хочется? Вот и я сейчас так же ничего не знаю.

Вконец растрогавшись, тетя Лена зарыдала и сквозь слезы вымолвила:

– Дочка... ты пойми, я только добра тебе желаю... добра... Ты уж на меня не обижайся, пожалуйста... Я тебя не брошу все равно никогда... ты же у меня одна... Ты главное держись, ладно?..

– И ты меня прости, мамочка, – всхлипнула Настя. – За

всю боль, что я тебе причинила... Я тебя очень люблю...

На этой жалостной ноте они обнялись, и мать зарыдала еще сильнее. Настя же слезу пустила больше для вида, и, когда мать слезла с подоконника, глаза ее были уже сухими, хотя носом она по-прежнему шмыгала, но это, скорее, от холода.

– Ужин тебе принести? – как ни в чем не бывало спросила мама. – Сегодня картошка жареная, как ты любишь.

– Принеси, пожалуйста, – слабо улыбнулась Настя.

Поздним вечером, когда совсем уже стемнело и улица засияла красивыми огнями, тетя Лена из кухни вдруг услышала, как дочка одевается в прихожей. Одновременно с ней из гостиной выглянул отец. Настя, в белой куртке и мини-юбке, накрашенная, с сумочкой на плече, стояла у входной двери и отпирала замок.

– Ты куда это так поздно? – удивилась мать.

– Да я так... погулять, – со смущенной улыбкой ответила дочь и, распахнув дверь, выбежала на лестничную площадку. Вскоре оттуда донесся быстрый стук ее каблучков. Родители переглянулись и промолчали. Затем отец снова махнул рукой и ушел к себе, а мать зарыдала.

Спустя несколько недель, зайдя в гости к Олесе, Настя рассказывала ей о том, что случилось за последнее время. Был уже поздний вечер, на улице стемнело, маленький

Олежка давно спал в кровати, Дима сидел с ним рядом. Обе девушки стояли на лоджии (Олеся – в красном махровом домашнем халате, Настя – в джинсовой куртке и юбке), у распахнутого окна, за которым красиво мерцал в темноте город, курили (на этот раз Олеся согласилась вспомнить старые ощущения за компанию с подружкой) и тихо, чтобы не разбудить ребенка, разговаривали.

– ...А потом родители все-таки согласились мне квартиру снять, – рассказывала Настя. – Теперь каждый месяц мне по двадцать косарей присылают. Мы с матерью все, блин, рассчитали, сколько мне в день нужно – на одежду, еду, косметику, духи там... сигареты главное, у меня теперь в день где-то пачка уходит.

– Так значит, ты теперь одна живешь? И как тебе? – спросила Олеся.

Настя не успела ответить – на лоджию с пачкой сигарет и зажигалкой в руках, в шортах и шлепанцах, вошел Дима.

– Ну, как там мелкий? – поинтересовалась Олеся.

– Спит как убитый, – ответил Дима, сунув в рот сигарету.

– Слушай, ты не мог бы отсюда уйти? У нас тут с Настей разговор личный, не видишь?

– А мне-то что? Говорите себе, я тут покурю, мешать вам не буду.

– Покуришь за дверью. Ну, Дим, я тебя серьезно прошу, – настаивала Олеся.

– Ладно, не начинай. – Дима с недовольным видом вышел.

Олеся с таким же недовольным видом повернулась к Насте. Та подумала: «Ну вот и начались у них проблемы, как и у всех».

– Я ведь только три дня как из деревни вернулась, – продолжила она свой рассказ, стряхнув за окно пепел. – Я там с тетей жила, пока мне предки квартиру искали.

– Угу. И как там?

– Да нормально. Главное – тетя меня сразу поняла, она ведь сама не так давно тоже молодой была. Купила мне даже в райцентре сигарет, чтобы на две недели хватило...

... Тетя Рита действительно понимала племянницу как никто другой. В деревне она теперь жила почти постоянно – бабушка не так давно умерла, и кому-то надо было присматривать за домом.

Едва приехав в деревню, Настя занялась тем же, чем занималась до этого дома – села в дальней комнате у окна и принялась курить одну сигарету за другой. Правда, теперь окурки ей приходилось тушить в пепельнице, чтобы не устроить в деревянном доме пожар. По-прежнему ела она очень мало; впрочем, тетя Рита особо и не заставляла ее, зная, что это все равно бесполезно. На третий день и она не выдержала и, зайдя к Насте в комнату, в настойчивой форме попросила ее выйти на воздух, прогуляться по лесу. Вскоре ей пришлось пожалеть об этом. Настя надела свою обычную городскую одежду, – куртку, юбку, туфли на шпильках, – яр-

ко нарядилась и в таком виде отправилась в лес. Вернулась к вечеру на подгибающихся ногах и завалилась спать прямо в одежде. После этого тетя Рита оставила девушку в покое, позволив той жить так, как ей нравилось.

Через две недели съемная квартира в городе была готова. Решено было, что до города Настю подвезет на машине один знакомый тети Риты, которому было как раз по пути. В день отъезда, собрав все вещи, Настя пошла прогуляться напоследок по давно знакомым местам. Больше она сюда не вернется, она точно это знала.

Погода стояла пасмурная, небо было затянуто серыми тучами, и все вокруг имело какой-то тусклый серый оттенок. Одетая в свою обычную городскую одежду, Настя прошлась за околицей, вдоль вспаханного поля, постояла возле кромки леса, возле поля, на котором мы все когда-то давно играли в футбол, выкурила сигарету и вернулась к дому. У забора была припаркована новенькая «Тойота», рядом с ней стоял коренастый, с короткой стрижкой парень лет тридцати, в красной куртке, и помогал тете Рите загружать в багажник Настины сумки. Закончив, он сел за руль.

– Ну, пока, Настюш, – сказала тетя Рита, обнимая племянницу, которая на своих шпильках была выше ее на голову. – Давай, береги себя. Маме привет.

– Пока, тетя Рит. И тебе за все спасибо, – всхлипнув уже по-настоящему, ответила Настя.

Вадим (так звали знакомого) нетерпеливо посигналил из

машины. Настя, помахав рукой тете, залезла на переднее сиденье, и они тронулись.

Расстояние от деревни до райцентра проехали молча. Вадим жевал жвачку и слушал радиоприемник. По крыше застучали капли мелкого дождя. Настя от скуки достала сигарету, прикурила.

– Здесь не курят, – недовольно покосившись на нее, сказал Вадим.

Она молча опустила стекло.

– Ты не поняла? Выбрось сигарету, тебе еще рано, – уже резче произнес он.

Ничего не ответив, она продолжала выдыхать дым. Тогда, улучив момент, Вадим выхватил у нее из пальцев сигарету и выбросил в окно. Ни слова не говоря, Настя достала новую и зажгла ее. Выражение ее глаз было скрыто за темными очками, и от этого она выглядела еще более роковой и неприступной. Окончательно рассердившись, Вадим резко затормозил. Если бы Настя не была пристегнута, то наверняка вылетела бы через лобовое стекло, так же ее только сильно качнуло вперед.

– Нарываешься? Может, высадить тебя здесь, пешком дальше пойдешь?

Они стояли у обочины шоссе, по обе стороны которого простирались густые стены леса. Мимо, с шумом разбрызгивая воду с асфальта, проносились другие машины. О том, чтобы идти дальше пешком, и речи быть не могло. Поняв,

что угроза была нешуточной, Настя раздавила окурок в пепельнице и примирительно показала пустые ладони. Вадим, с лица которого еще не успела сойти ярость, завел машину и двинулся дальше. Еще километров пятьдесят они ехали молча. Настя, положив ногу на ногу и откусывая заусеницу на указательном пальце правой руки, думала: «Что-то он больно сердитый. Поссорился что ли с женой или кто она ему там? Да нет, по телефону они вроде нормально разговаривали. Может, просто не любит таких, как я? Или пытается в папочку играть? Что ж, а это даже неплохо. А если попробовать?...»

Они уже подъезжали к городу и стояли в пробке. Погода прояснилась, тучи разошлись и выглянуло солнце. Яркое-оранжевое, оно склонялось к горизонту, било лучами в стекло и придавало всему вокруг какой-то восторженно-романтичный оттенок. Сняв очки, Настя взяла водителя за руку, лежавшую на рычаге скоростей, и без всяких церемоний положила ее к себе на колено, так же, как когда-то было с Денисом. Вадим оторопел, а Настя между тем уже вела его широкую ладонь по темной нейлоновой дорожке вверх, под юбку. Он в ужасе выдернул руку.

– Ты че, совсем спятила?

Но было уже поздно: распалившись, она закинула левую ногу ему на колено, а руками обхватила за шею. Ощувив совсем близко пьянящий аромат ее духов и волос, Вадим уже готов был потерять голову, но в этот момент позади раздал-

ся громкий автомобильный гудок. Настя, которая после той страшной аварии до смерти боялась гудков, отпрянула назад, и Вадим, воспользовавшись этим, дал газу, поглядывая на пассажирку предупредительным взглядом: мол, только попробуй еще раз, и тебе конец. Настя и сама понимала это и сидела, тяжело дыша и привалившись спиной к дверце.

– Извини... – только и вымолвила она.

Доехав до нужной улицы (к тому времени уже стемнело и город зажегся своими обычными яркими красками), Вадим затормозил и, как только Настя обессиленно вывалилась из машины и взяла тяжелые сумки, резко газанул и вскоре скрылся за поворотом. Настя смотрела ему вслед со слезами на глазах. Впервые ее чары дали осечку. А вдруг теперь всегда будет так? Она машинально закурила и двинулась через темный парк к своему новому дому.

[К слову сказать, ее месть несостоявшемуся ебарю удалась сполна: когда жена Вадима обнаружила в пепельнице в его машине «окурочек со следами губной помады», разразился скандал, который привел в конце концов к их разводу].

Майская ночь дышала теплом. В воздухе разносился аромат сирени, смешанный с запахом еще не улегшейся городской пыли. Однако восторженный лопух Максим дышал только одним – ароматом духов своей спутницы, который для него затмевал все остальное. Еще Ева когда-то давно

учила Настю: «Помни, для твоего парня весь мир вокруг должен пахнуть только тобой одной».

Она и сама не знала, зачем назвалась Аней. Это имя всегда нравилось ей больше собственного, когда-то, возможно, она даже считала его уменьшительным от «Анастасия». Как бы то ни было, вскоре это имя должно было сыграть в ее жизни важную роль.

Они прошли темной парковой аллеей и присели на скамейку. Над ними едва слышно шелестели деревья, еще выше маячили мрачные коробки домов, расцвеченные редкими огоньками окон, а совсем высоко раскинулось необыкновенно чистое, чернильно-черное небо. Максим восхищенно оглядывался вокруг, по-дурацки приоткрыв рот.

– Красиво... – прошептал он.

Настя равнодушно заложила ногу на ногу и, достав из кармана куртки пачку тонких сигарет, вытянула одну, прикурила от зажигалки (делать это одной рукой она так и не научилась – большой палец сильно уставал, а на зажигалку с крышкой мать денег не дала), затянулась.

– Жаль, что мы не в Петербурге, – мечтательно заговорил Максим. – Жаль, что не белая ночь. А то было бы совсем как у Достоевского... Настенька... Совсем как ты...

Вздвогнув было сначала (неужели он знает?!), затем Настя поняла, что парень, должно быть, начитался всяких книжек и забил голову глупой романтикой. Держа правую руку возле коленки, она аккуратно сбила пепел на асфальт.

– А у тебя есть белый платок? – спросил вдруг Максим, резко повернувшись к спутнице. Та в свою очередь с изумлением уставилась на него: с чего бы это вдруг?

– Я просто вспомнил: белый платок, для утирания слез страждущих... эмблема Жандармского корпуса... Я об этом где-то читал. А тут ты... такая чистая, невинная красота...

Усмехнувшись про себя и одновременно поняв, что парень, видимо, много выпил и оттого несет всякую чушь, она отвернулась и опустила взгляд. Между тем Максим как раз начинал трезветь. Глядя на переплетенные между собой ноги девушки в темном нейлоне, выглядевшие словно пара змей-медянок, он глубокомысленно продолжил:

– А ведь жандармы – словно золотари, которые следят за тем, чтобы дерьмо из канализаций не хлынуло на улицы, – затем вдруг, спохватившись, он вскочил и громко, с небольшой паузой, произнес: – А пошли... ко мне домой!

– Зачем? – спокойно ответила Настя, вставая и отряхивая юбку. – Мой дом совсем близко, вон там, – она указала на узкую, как стрела, девятиэтажную коробку, на четвертом этаже которой темнело окно ее квартиры.

– А у тебя разве... никого дома нет? – с той же паузой, только уже не так уверенно спросил Макс.

– Нет, я одна живу, – так же спокойно ответила она.

– Тогда пошли, – произнеся это дрожащим от еле сдерживаемого восторга голосом, он хотел уже взять ее за руку, но потом передумал и скромно поплелся рядышком. Ему было

радостно и одновременно немного досадно. Радостно – потому что ему первый раз в жизни предстояло заняться *этим*, досадно – потому что сестра не присутствовала при этом и не могла ему позавидовать.

Перед входом в подъезд Настя, принимая меры предосторожности, накинула на голову капюшон куртки и, подобно ассассину, скрыла таким образом лицо. Смотревший на нее сзади Максим пришел в еще больший восторг – такой прекрасной она выглядела в капюшоне. Между тем для Насти это была совсем не ерунда. Жила она здесь недавно, никого из соседей толком не знала, да и ее никто особо не узнавал, если не видел лица. А узнай кто, что она водит в квартиру парней, могли запросто возникнуть проблемы. Поэтому на всякий случай она решила не палиться. Не знаю, предчувствовала ли она тогда неладное или просто сделала это машинально, да и сама она вряд ли бы смогла это объяснить.

Лифт в подъезде был сломан, поэтому пришлось подниматься наверх пешком. На площадке второго этажа, перед распахнутой дверью в квартиру стоял и курил молодой, бритый налысо парень в кофте с капюшоном, шортах и шлепанцах, тот, что еще позавчера, когда Настя возвращалась поздно домой, стоял точно так же и предложил ей секс. Она бы не раздумывая согласилась, но оказалось, что парень просто пошутил. Теперь же Настя нерешительно остановилась перед площадкой, в волнении соображая. Нет, тогда он ее лицо в темноте не видел, но по одежде вполне мог узнать... Эх, и

зачем только она сегодня оделась так же, как и тогда? Осталось надеяться только на темноту в подъезде.

– Ну, чего встала? Идем? – раздался сзади нетерпеливый голос мудака Максима.

Решившись, Настя двинулась дальше. Мимо курящего парня она прошла, не поднимая головы и досадуя, что в этот день, как и позавчера, воспользовалась своим любимым парфюмом «Леди Миллион». Аромат запоминающийся, вдруг он узнает? Но сосед в этот раз промолчал и вообще никак на нее не отреагировал, возможно потому что сзади шел Максим.

Через несколько минут Макс уже сидел на расправленной кровати в единственной комнате в квартире, при невключенном свете, и колени его дрожали от возбуждения, а на ладонях выступал пот. Но вот в комнату из кухни, виляя бедрами, вошла Настя, в одной футболке и юбке, босиком, с бокалом специально ради такого случая хранившегося в холодильнике вина. Максим от вина отказался, он и так был возбужден до предела. Вот Настя, запрокинув голову, одним махом допила остатки со дна бокала и вдруг, прыгнув на парня, повалила его на спину и принялась резко срывать с него одежду. И все потонуло в одном общем, непрерывном потоке страсти. Той самой страсти, что кипела в неземной атмосфере прекрасной теплой ночи и в то же время была такой простой, естественной и человеческой...

...На пятой минуте, когда Максим вошел уже достаточ-

но глубоко, а волшеббно-неземная атмосфера внезапно превратилась в обычные спальные Ебеня, как те самые, где Настя когда-то получила свой первый опыт, внизу, на втором или третьем этаже что-то громко хлопнуло, и Настя ощутила, как ее нутро против воли сжимается, захватывая все, что было в нем. Почти сразу же она услышала дикий крик, едва не разорвавший ей барабанные перепонки – то орал под ней Максим, даже не думая стиснуть зубы и терпеть боль. В ужасе от того, что сейчас сбегутся соседи, Настя правой ладонью закрыла партнеру рот, а левой, сама не осознавая, что делает, резко сжала ему кадык. «Замолчи, только замолчи, умоляю», – шептала она. И Максим внезапно послушался – замолчал, причем так резко, словно звук внутри него кто-то выключил.

Когда Настя, едва отдышавшись от ужаса, взглянула в лицо своего партнера, то увидела, что оно было пустым и бессмысленным. Глаза глупо закатились, из приоткрытого рта стекала струйка слюны. Она толкнула его пару раз в плечо, несколько раз позвала по имени, затем приложила ухо к левой стороне груди – сердце не билось! Дыхания тоже не было. Под Настей (Аней), оставаясь в то же время внутри нее, лежал медленно остывающий труп ее несостоявшегося ебара, без пяти минут не-девственника Максима. И с минуты на минуту в дверь могли начать стучаться привлеченные криком соседи. Такого ужасного финала Настя никогда бы не смогла представить себе наяву. И тем не менее все это было

реально.

Прежде всего она решила не паниковать. Паника никогда к хорошему не приводила, а уж тут-то была совсем ни к чему. Первостепенной задачей было избавиться от странной связи между ней и мертвым партнером. Она постаралась вспомнить, не рассказывала ли мать о подобных случаях у нее на работе, но ничего такого вспомнить не смогла. Единственное, что, как ей казалось, можно было сделать в таком положении – это вытянуться и максимально расслабиться. О том, чтобы звонить в «скорую» или еще куда-нибудь, и речи быть не могло. Она, преодолевая отвращение, плашмя растянулась на трупе и снова, как и во время всех предыдущих половых актов, расслабилась и подумала о постороннем – о тысячах трупов бомжей, гниющих сейчас где-нибудь в подворотнях, о ночном клубе, в котором продолжается веселье, о жандармах, чистящих сортиры (о нет, только снова не это!), о вестернах начала двадцатого века и о...

Получилось! Настя ощутила, как член трупа вышел из нее, и, вскочив, она поскорее отбежала подальше. Только теперь ее по-настоящему охватил ужас. Что ей делать? Куда девать тело? У нее мелькнула было мысль все-таки вызвать милицию и представить все как изнасилование: мол, она пригласила этого парня просто так, на чай, а он вдруг на нее набросился... Может, тогда сойдет за самооборону? Только вот поверят ли ей? Да и вообще, предавать это дело огласке – мысль явно не самая правильная. Ясно одно – нужно по-

святить в это еще кого-нибудь, кто будет молчать... явно не родителей. Быть может, Олесю? Хотя у нее и так проблем сейчас хватает, а тут еще... И вдруг в голове словно молнией сверкнуло: Стас! Еще никогда он не подводил ее. Уж если и он откажется...

Настя как бешеная кинулась к сотовому телефону, валявшемуся в углу кровати. По счастливой случайности номер Стаса она помнила так хорошо, что он отпечатался у нее в памяти до последней цифры. Да и сам по себе он был прост: 335-53-53.

– Алло! – прозвучал в трубке сонный, но прекрасно узнаваемый голос.

– Стас, это Настя, – быстро заговорила она, – мне срочно нужна твоя помощь, сейчас же, понимаешь? Приезжай по адресу...

– А в другое время никак нельзя? – недовольно прервал ее Стас. Но Настя таким голосом взмолилась о помощи, что он только пробормотал: «Ладно, сейчас буду. Жди» и бросил трубку.

Полчаса спустя он, словно детектив из сериала, стоял над мертвым голым телом, накрытым одеялом.

– Твою ж мать... – только и вымолвил он, взглянув в посиневшее лицо Максима. – И как это случилось?

Настя вкратце рассказала ему все, что произошло с момента, когда они с Максом познакомились в клубе, а в конце рассказа горько зарыдала: «Господи, Стас! Что же со мной

будет? Пожалуйста, помоги!» Стас взглянул на нее со смесью жалости и отвращения.

– Н-да, – произнес он, – если кто-нибудь узнает, мы оба попадем... Ты понимаешь, что я из-за тебя всем рискую?

– Стас, ну пожалуйста! Если бы я тебе так не доверяла, думаешь, позвала бы сюда? Ты моя последняя надежда!

– Ладно, не ной, – резко оборвал ее Стас. – Раз пришел, значит, помогу. Ты главное вот что скажи: кто-нибудь видел, как он с тобой сюда заходил?

– Да вроде бы нет. Сосед снизу нас видел, но там темно было, он вряд ли лица разглядел.

– Тогда вот что, – Стас деловито огляделся, – мешок полиэтиленовый, для мусора, только большой, есть?

– У меня нет. Но внизу, у подъезда, есть, я видела.

– Ладно, я щас сбегаяю. А ты пока одень его.

Настя взглянула на кровать и мелко задрожала.

– Давай-давай, – подбодрил ее Стас. – А ты как думала? Что я все за тебя сделаю?

– А... а зачем это?

– Для правдоподобия, блин!..

Когда потом я спросил у Стаса, почему же он все-таки поступил именно так, почему помог Насте, почему не сдал ее в милицию или хотя бы просто не ушел, оставив ее саму все решать, он в ответ только усмехнулся и произнес:

– А ты бы сам как на моем месте поступил?

Я пожал плечами. Тогда Стас объяснил мне, что никогда

бы не смог представить себе картину: Настю со скованными за спиной руками выводят из подъезда, сажают в милицкий «уазик», потом, как в популярных передачах про суд, она сидит в железной клетке, горько плачет под торжественную речь адвоката, а затем в косынке и робе вместе с другими уголовницами шьет на швейной машинке трусы в женской колонии (почему-то я в этот момент представил Мэй Касахару из «Хроник Заводной Птицы»). Признаться, я тоже никак не смог бы вообразить такие картины. Потому что Настя была по-прежнему для меня совершенным существом, идеалом, даже богиней, если можно так выразиться [Неприятно говорить о таких вещах, но, мне казалось, что если бы она не мылась, то все равно каким-то непостижимым образом оставалась бы чистой, чище всех нас].

– И для меня тоже, – задумчиво произнес Стас.

...Принеся снизу мешок, он запихнул в него тело Макса, сложив его пополам, чтобы поместилось, затем взвалил мешок на спину (тело оказалось удивительно легким) и потащил его вниз. На лестнице и возле подъезда было так темно, что вряд ли кто-нибудь разглядел бы его лицо. Спустя пять минут, возвращаясь от мусорного контейнера за углом и отряхивая руки, он внезапно увидел Настю. Она, в своей обычной одежде, стояла у подъезда и нервно курила.

– Ты... ты чего здесь делаешь? – испуганно спросил он. – Тебя же увидеть могут...

– Я боюсь... – прошептала она.

– Чего боишься?

– За тебя боюсь... И одна не могу там оставаться... Стас, пожалуйста, останься до утра...

Стас с тревогой оглядел окна (не погаснет ли внезапно в одном из них свет), вздрогнул от звука въезжающей во двор «Ауди» и, обняв Настю за плечи, повел к подъезду.

– Ну вот, теперь все в порядке, – говорил он пять минут спустя в тепле и уюте (если можно было так выразиться) Настиной квартиры, – мусорная машина только через пару часов приедет, и то его не сразу могут найти. А ты ложись и ни о чем плохом не думай. Никто на нас даже не подумает.

– Стас, посиди рядом, пожалуйста, – попросила Настя, – мне все еще страшно.

– Хорошо. Ложись. – Стас отвернулся к окну, за которым непроглядные сумерки потихоньку серели: приближался рассвет. Дул ночной ветерок, но успокоения он почему-то не приносил, наоборот, навевал холод и страх. Лежа под одеялом, Настя дрожала с головы до ног.

– Стас, мне холодно, – жалобно всхлипнула она. – Согрей меня, пожалуйста.

– Успокойся. Лежи, – ответил Стас. Он прекрасно понимал, каково ей сейчас. Его и самого пробирала дрожь, но он старался всеми силами этого не показывать.

Настя потянулась к тумбочке, взяла с нее пачку сигарет, заглянула внутрь и в отчаянии ударила ладонью по подушке.

– Блин! Ни одной не осталось! Стас, пожалуйста, сбегай в

ларек, купи сигарет, – плаксивым голосом попросила она.

– Успокойся. Никуда я не пойду. Сейчас все ларьки закрыты. К тому же тебе нельзя одной оставаться, ты же сама знаешь.

– Стас, ну прошу тебя! Стас, ну чего тебе стоит! Ну пожалуйста! Курить хочется, я не могу!

Не выдержав, он резко встал, намереваясь в эту минуту высказать ей все, что думал, но, как только взглянул на нее, лежавшую в постели, хрупкую и беззащитную, смотревшую на него снизу вверх испуганными щенячьими глазками (и как только она смогла запросто укукошить взрослого парня? Ни за что бы в это сейчас не поверил), его злость тут же прошла или, вернее сказать, трансформировалась в совсем иное желание. И только где-то в подсознании мелькнула поздняя мысль: надо бы ее согреть, а то ведь так просто она не успокоится. Расстегнув ремень, он откинул одеяло и, не обращая внимания на Настины возгласы: «Эй, ты чего? Стас! Стас!!», крепко сжал ее в объятиях. Она лишь тоненько всхлипнула и, как всегда, послушно расслабилась, превратившись в мягкий пластилин...

Спустя полчаса она, по-детски причмокивая, крепко спала. Стас глядел на ее бледное красивое лицо с тонкими губами и подрагивающими пушистыми ресницами и еще меньше мог поверить в то, что случилось совсем недавно. За окном меж тем начинало светать. Пристроившись рядом с Настей на кровати, Стас также задремал.

Наутро труп молодого парня действительно нашли в мусорке, и началось расследование. Менты ходили по квартирам, опрашивали всех. Заглянули и к Насте. Сама она еще крепко спала, дверь открыл Стас.

– Мы вчера до двух ночи в клубе тусили, – сообщил он, – кого угодно спросите, они подтвердят. Потом сюда приехали, ну и тут всю ночь... Кого угодно спросите, они скажут.

Как ни странно, эта отмазка сработала превосходно: менты никого не стали спрашивать об этой парочке, а пошли по другим квартирам, где о трупе также ничего не знали. Даже сосед снизу ничего не сказал. А меж тем на опознание трупа пришла, заливаясь слезами, сестра Макса, Вика, со своими подругами с тусовки. Все они в один голос подтвердили, что Максим ушел с дискотеки в компании какой-то телки, но никто почему-то не смог точно описать, как она выглядела – то ли были слишком пьяны, то ли видели ее лишь мельком и со спины. По крайней мере, насколько мне было известно, из их описаний следователи узнали только, что у этой девушки были длинные черные волосы и что она была высокая – скорее всего, на каблуках. Разумеется, по такому описанию никто искать девушку не стал, и понемногу шумиха вокруг этого дела, как водится, стала утихать. Однако Настя, боясь за себя, по-прежнему выходила из дома только в ларек за сигаретами, а еду заказывала на дом.

В одно из воскресений рано поутру, часов около девяти, Насте позвонила мать, предупредила, что заскочит к ней через час. Протянув спросонья: «Ладно, мам, давай», Настя снова отрубилась. Через час, впрочем, ей пришлось вставать и открывать матери дверь.

– У меня тут не прибрано, извини, – произнесла она сонно (она никогда не вставала теперь раньше полудня), ложась снова на кровать. Не раздеваясь и не разуваясь, мать прошла в комнату, оглядевшись вокруг, на секунду сморщилась, но затем вновь стала сосредоточенной и присела на стул возле кровати.

– Насть, мне нужно с тобой серьезно поговорить, – начала она.

– Говори, – пожала плечами дочка.

– Дело касается нас... с тобой, – с заминкой промолвила мама. – Дело в том, что... я не смогу тебе больше присылать деньги... как раньше. Полгода еще, может быть, продержусь, а потом... тебе нужно будет либо возвращаться к нам, либо...

– А что случилось-то? – спросила Настя, смутно догадываясь, что в ответ услышит что-то нехорошее.

– Да так... – Мать словно бы невзначай опустила взгляд вниз и так же словно бы случайно погладила живот. Внезапно поняв все, Настя так и подскочила на кровати от радости.

– Mam, так это же чудесно! Что же ты сразу не сказала? И какой месяц?

– Второй... – как-то смущенно ответила мама.

– А папа что же? Он вообще знает? Или тоже не хочет деньги давать?

– Папа... ничего не знает... – снова запнулась мать. – И, думаю, ему не стоит пока знать...

– Мама, да ты что! Это же такое счастье! Не знаю, как ты до сих пор...

– Настя!.. – Мать резко вскинула голову, и дочь увидела, что глаза ее наполнены слезами. – Ты разве не понимаешь?.. Папа не должен ничего знать... Это не его ребенок...

Побледнев, Настя снова опустилась на кровать.

– А чей? – едва слышно вымолвила она.

– Соседа нашего, дяди Леша, помнишь его? – так же тихо ответила мать. – Я к нему тогда и заглянула... на огонек, пока папа на работе был. Сама даже не знаю, почему меня потянуло... Я ведь не сопротивлялась даже... Наверное, после того... ну, как ты ушла, мне захотелось чего-то нового, что ли... А теперь вот... Сама даже не знаю, что делать...

Мать всхлипнула. В голове у Насти вдруг само собой возникло страшное слово «аборт». Нет, только не это! Второго такого раза не должно случиться, ни за что! В этот раз у нее обязательно будет братик или сестренка, только уже младший...

– А все-таки, если папа узнает... Рано или поздно он ведь увидит... – осторожно стала подводить она к главному. – Что тогда?

– Я уже решила. – Мать взглянула на нее красными от слез, но уже сухими глазами. – Когда он увидит живот, я ему скажу все как есть. Если он после этого меня с *моим* ребенком не примет, я уйду к дяде Леше. А что? Он холост, работы, правда, у него нет, но я пока на свои сбережения жить смогу. Но тебя, доченька, я никогда не брошу, ты знай, если даже не вернешься, я тебе последние копейки буду отдавать... – Голос матери задрожал, и на глазах снова появились слезы.

Но Настя в этот момент думала совсем о другом. Если мать перестанет обеспечивать ее всем необходимым, беззаботной жизни здесь скоро придет конец. Нужно было как-то срочно решать эту проблему...

Был самый обычный день в моей жизни. Стоял ноябрь, на улице значительно похолодало, однако снега еще не было – словом, это было одно из моих любимых времен года, когда так приятно входить с прохладной улицы в тепло и уют помещений, светящихся изнутри мягким электрическим светом.

Мы со Стасом ехали на великах по улице. Было уже пять вечера, и на город, словно занавес, опускался мягкий сумрак. Возле нового торгового центра в конце улицы Стас предложил остановиться, чего-нибудь перекусить.

– Давай по паре пирожных раздавим, – так сказал он. – Я с самого утра голодный.

Я согласился, и мы, припарковав велики у крыльца, зашли внутрь, в тепло и свет. В пуховиках и шапках, с рюкзаками за спиной мы наверняка походили либо на туристов, возвращавшихся из похода, либо на отцов семейства. Впечатление дополняла моя густая, давно не бритая борода. Девчонка-упаковщица на кассе даже посмотрела на нас каким-то особенным взглядом и тут же, смущенно опустив длинные накрашенные ресницы, принялась с удвоенной скоростью запихивать продукты в пакеты, по ошибке засунув мое пирожное в пакет к пенсионеру, стоявшему в очереди впереди нас.

Но вот мы, утоляя на ходу голод, вышли из магазина, я, оглядевшись вокруг, вздохнул полной грудью, и все внутри у меня радостно затрепетало, а по коже побежали мурашки. Я снова увидел красиво мерцавшие в сумраке огни, тянувшиеся бесконечной оранжевой цепочкой по темному полотну куда-то вдаль, вдохнул приятно щекотнувший легкие морозный воздух и подумал о людях, спешивших в этот час с покупками домой, совсем как этот пенсионер, совсем как эта молодая семья, за готовые радостно вспыхнуть прямоугольники окон, к синим экранам, в тепло. А мы со Стасом тут словно путники без цели и дома, проезжавшие через этот город случайно и сделавшие краткую остановку, чтобы перекусить и двинуться дальше, мимо этих огней и людей за нами, чтобы потом остановиться где-нибудь за городом, в придорожном кафе, выпить горячий кофе и съесть хот-дог, перекинувшись парой слов с официанткой, и потом снова дви-

нуться дальше, посреди романтики северной ночи. Эх, хотел бы я, чтобы все и правда так было! Но суровая реальность такова, что нам нужно было ехать домой, ужинать, сидеть пару часов за компом и ложиться спать, ведь завтра рано на работу.

Пока Стас, настроенный менее романтично и потому не глядевший по сторонам, отстегивал цепь от колеса велика, я смотрел на собаку, привязанную к перилам крыльца и с грустью ждавшую своего хозяина, и опять думал о чем-то своем. Вдруг Стас прервал мои размышления.

– Я тут недели три назад уже был, – произнес он, не поднимая головы.

Три недели назад... Может быть, это ничего особо и не значило. Ну, был и был. Тогда еще было не так холодно, как сейчас, хотя темнело так же рано. Три недели назад здесь было все то же самое, даже люди ходили, наверное, те же. И все-таки по тону Стаса я понял, что он собирается мне сказать. Он наконец поднял голову, и по его глазам я окончательно понял это. Здесь и сейчас мы, два взрослых парня, зашедшие «раздавить пару пирожных» после рабочего дня, не могли понять, что и как было *тогда, три недели назад*.

...На удивление Стаса, Настю совсем не пришлось ждать. Когда он зашел за ней, она была уже одета, причесана и накрашена. Даже сумочку с собой брать не стала. Пачка сига-

рет с зажигалкой за пазуху – и все, двинулись.

Они шли по тем же самым местам, по которым мы со Стасом ехали на велосипедах три недели спустя, только выглядело тогда все совсем по-другому. Тогда рядом с ним было живое воплощение вожделения [и разврата]. Любой прохожий, встретивший их тогда, наверняка испытал противоречивые чувства. Странная парочка – слева ничем не примечательный паренек, справа – она, говоря простыми земными эпитетами, девушка, одетая явно не по погоде – в черную футболку с короткими рукавами, джинсовую мини-юбку, тонкие темные колготки и туфли на шпильках, – она шла вроде бы скромно, заложив руки за спину и невинным взглядом бегая по сторонам. Но [вы, конечно же, должны это понимать!] в ней в то же время крылось нечто невообразимое, роковое, что всегда притягивало к ней взгляды многих, если не сказать – всех. И никто из этих случайных прохожих, конечно же, и подумать не мог, какую страшную тайну несла в себе эта красивая девушка, сколько всего ей уже пришлось пережить за свою недолгую жизнь и что на ней уже стояло невидимое и несмываемое клеймо смерти. Стас же [как ни странно, он был одним из немногих, кто не поддавался ее чарам] смотрел на нее сбоку и просто любовался ею. Сегодня она выглядела как-то по-особенному красиво. Длинные черные волосы были расчесаны на две стороны так, что лицо полностью открывалось. На нем, слегка бледном от постоянной нехватки свежего воздуха, особенно выделялись глаза с

густыми подкрашенными ресницами, подведенные черными тенями. Даже пахло от нее какими-то особенными, дорогими духами, которых у нее раньше явно не было. Так, вводя в ступор прохожих, они вдвоем дошли до супермаркета, в котором спустя три недели побывали и мы.

– Пойдем перекусим чего-нибудь, – предложил Стас.

– Спасибо, я не голодна, – чуть улыбнулась она.

– Ты же с утра ничего не ела! – удивился Стас.

– Да, но я не голодна, – снова улыбнулась Настя. Он только пожал плечами. Они двинулись дальше и вскоре уже шли по той самой аллее парка, где когда-то давно Настя гуляла с Максимом. Теперь все было то же самое, разве что на темном небе виднелись звезды и бледный серп луны, да и народу в парке гуляло больше: все-таки был еще не поздний вечер.

– Жаль этого парня, Макса, – проникновенно заговорила вдруг Настя, подняв глаза к небу, – он этого уже никогда не увидит, никогда не прогуляется по этой аллее при луне, как тогда...

Стас, опустив голову, молчал. И в самом деле, сказать тут было нечего. Да и вспоминать об этой страшной тайне лишний раз как-то не хотелось.

– А все эти люди даже не догадываются, что я убийца, – продолжила Настя со смехом, – вот, смотри. – И, подойдя к какой-то прогуливавшейся под руку молодой парочке, она спросила: – А вы знаете, что я убила человека?

– Оу, круто, – ответила девушка. Когда парочка прошла

мимо, парень обернулся и весело промолвил: – Мы тоже.

– С ума что ли сошла? – кинулся к Насте Стас. Она в ответ только усмехнулась:

– Да расслабься ты. Они же мне не поверили.

Подул холодный пронизывающий ветер, зашумел остатками листвы на деревьях, зарябил воду в лужах. Стас поежился, но Насте в ее более чем легкой одежде было, похоже, все равно. Они присели на скамейку, ту самую, где когда-то давно Настя сидела с Максимом (а может, и другую). Снова она так же положила ногу на ногу.

– Красиво здесь... – прошептала она, оглядываясь (да, все вокруг было опять то же самое). – Знаешь, я теперь вспоминаю, он ведь тогда, когда мы как раз здесь сидели, что-то говорил такое про мою невинность, про чистоту там, про какой-то белый платок. А потом стал нести вообще какую-то чушь про жандармов, про сортиры, из которых хлещет дерьмо. А вот я теперь думаю и понимаю: я и есть то самое дерьмо, от которого нужно спасать всех вокруг.

– Перестань, не говори про себя так, – поморщился, отвернувшись, Стас.

– Стас, я убила человека, понимаешь?! – произнесла она вроде бы спокойно и в то же время с надрывом. – Я убила его хладнокровно, даже не думая, что мне за это светит, просто убила, теперь он мертвый, уже никогда больше не пройдет по этим улицам, никогда не всадит свой член в чужое тело... А потом я еще и тебя в это втянула, теперь ты из-за меня так

можешь попасть...

– И что теперь? – резко повернулся к ней Стас. – Ради этого ты меня сюда позвала? Чтобы вдоволь об этом поплакаться?

– Нет... – Она вдруг взяла его руку и положила себе на грудь. – Я хотела сказать... После всего, что мы вместе пережили... Я имею в виду, нас столько всего всегда связывало... Словом, я люблю тебя... Ты чувствуешь, как бьется мое сердце рядом с тобой?..

Разумеется, Стас не сказал, как в анекдоте: «Ого, охрененные у тебя сиськи!» Вместо этого он посмотрел на сигарету, которую Настя держала в руке и собиралась закурить, и равнодушно изрек:

– Это наверное потому, что ты слишком много куришь. За последние десять минут это уже вторая. А сердце у тебя слабое, я знаю.

– Извини, я просто волнуюсь, – ответила Настя. – А сигареты я легкие курю, от них ничего не станет.

– «Легкие»! – передразнил Стас. – Да у тебя у самой легкие уже черней некуда! И сердце у тебя, – он отдернул руку от ее груди, – черное. И душа у тебя черная. И все черное.

Действительно, тогда черным у нее был даже лак для ногтей. Но она недовольно отодвинулась на край скамейки и отвернулась, показывая, что не желает больше говорить на эту тему. На глазах ее, кажется, даже блеснули слезы...

... – А вообще, она меня туда позвала только за одним

– чтобы опять затащить потрахаться, а потом переехать ко мне, – произнес Стас, закидывая ногу на седло велосипеда. – Мать-то ей денег теперь не дает, вот она и решила за чужой счет пожить.

Я снова взглянул на звезды, мерцавшие холодным светом из-за облаков на темном полотне неба, на теплый и уютный свет окон домов, на яркие и приветливые рекламные вывески, на несущиеся мимо машины... Все было то же, что и раньше. И все-таки другое. Не было той атмосферы, того аромата, который *она* пронесла по этим улицам и который растворился в вечернем воздухе, так и не достигнув нас и всех этих непосвященных людей, не оставшись с нами...

Сунув в уши наушники и привычно перекинув ногу через седло, я подумал о чашке горячего чая, уютно мерцавшем голубом экране и теплой постели. С этими приятными мыслями я нажал на педали и легко покатыл вслед за Стасом вдоль темной автострады.

Сравнительно недавно застроенный микрорайон города, который все по привычке продолжали именовать Ебеньями, нежился в теплых лучах весеннего солнца. В такое время больше всего хотелось выйти на балкон и, глядя вдаль, за городскую черту, в истинные Ебенья, туда, куда еще не добралась цивилизация, где были только мусорные свалки и редкие деревья, думать о прекрасной стране, лежащей где-то

там далеко и, возможно, даже не существующей. Но взгляд мой невольно упирался только в дома, неровным квадратом обступившие двор, в редких прохожих и в трехэтажную автостоянку с оранжевыми стенами, расположенную прямо напротив подъезда, а также в небольшой и уже старый магазинчик, где я совсем недавно видел двух школьников, довольно красивых, одетых в слегка неформальном стиле, и с одинаково выкрашенными черным лаком ногтями.

Именно в это, счастливое для меня время, в пустом подъезде крайнего городского дома, за стенами которого начинались те самые истинные Ебенья, происходило следующее. Левая дверь на площадке третьего этажа распахнулась, оттуда быстро выскользнула девушка с длинными черными волосами, ярко накрашенная, и настолько быстро, насколько ей позволяли высокие каблуки, стала спускаться вниз. Была она одета в темно-красную куртку, короткую джинсовую юбку и фиолетовые колготки. Того, кто случайно столкнулся бы с ней в этот момент на лестнице, наверняка ждал бы крутой поворот в судьбе и дальнейшей жизни, прямо как в фильме «Беги, Лола, беги». Спустя минуту, когда девушка уже подходила к первому этажу, из двери квартиры вдруг высунулся голый по пояс мужик, обмотанный полотенцем.

– Аня! Подожди! Вернись! – крикнул он вниз, но ответа не получил. Когда стук каблуков замер и хлопнула дверь подъезда, он, плюнув с досады, вернулся в квартиру.

Тот день для меня оказался необычайно насыщенным со-

бытиями. Ранним утром на остановке, окутанной мгlistым туманом, я увидел рядом с высоким бородатым мужиком (возможно, отцом, а, быть может, и ебарем) девчонку, с которой много времени спустя чуть было не трахнулся (а возможно, это была не она или же много бородатых сделали свое дело до меня). Вечером, после трудного дня, я должен был ехать к матери на другой конец города и в ожидании автобуса опять стоял на остановке, почти безлюдной в этот час. Надо мной серели и белели громады новостроек с рекламными вывесками на стенах, над ними куполом раскинулось понемногу темневшее небо. Все это дышало какой-то особой атмосферой и радовало меня в тот момент. Верхом эйфории стало появление компании подростков, трех парней и четырех девиц (довольно-таки красивых), которые, с пивом, громко матерясь, шли мимо остановки. Мне и самому в этот момент страшно захотелось выпить пива (неважно, с кем), пройтись по вечернему городу, насладиться его романтикой. Но компания, не обратив на меня внимания, скрылась, мой автобус подошел, и я был вынужден ехать через мост и дальше, мимо овейных романтикой улиц и прохожих, у каждого из которых была своя интересная история. Вот, например, на остановке стояли несколько девушек, о чем-то весело болтая. Одна из них, с длинными светлыми волосами, в черном плаще, туфлях и фиолетовых колготках, стояла и курила сигарету. Она особо привлекла мое внимание и с того момента, как вся компания зашла в автобус, я не сводил с нее глаз. На

следующей остановке вошли две ярко покрашенные пэтэушницы и, встав рядом со мной, принялись обсуждать парней. На них, несмотря на то, что они были вполне ничего себе, я особо смотреть не стал. Вы скажете – что в этом такого, это просто случайные встречи, не изменившие в моей жизни практически ничего [хотя кто знает, может быть, все как в «Лоле...»]. Но для меня с моей в общем-то скучной жизнью любая такая встреча – событие, а в сочетании с общей атмосферностью дня вообще приобретает символическое значение.

...С того момента как попытка Насти пожить за чужой счет потерпела неудачу, она приняла поворотное решение зарабатывать самостоятельно, чтобы хоть как-то обеспечить себя. С месяц она подметала улицу возле магазина, что стоило ей титанических усилий (приходилось вставать рано утром, да еще и носить старые джинсы и куртку, в которых она, тем не менее, выглядела так же привлекательно, как и в своем обычном наряде). Естественно, после такого она еще долго не прикасалась к работе.

Еще полгода она жила только за счет жесткой экономии – совсем перестала краситься и душиться, носила старую одежду (но выглядела при этом по-прежнему превосходно). Доходило до того, что она голодала целыми неделями, а курила теперь редко и самые дешевые сигареты. Каким-то образом она ухитрилась на заработанные восемь тысяч дотя-

нуть до весны (квартиру ей мать оплачивала исправно, но на большее у нее денег уже не хватало). Пока, наконец, с помощью каких-то старых связей не нашла новую работу – довольно опасную и потому недешевую. Теперь почти каждое утро она облачалась в «костюм ассассина», то есть попросту надевала в дополнение к обычному своему наряду куртку с капюшоном. Получив по телефону указания, она шла в нужное место. Обычно это была квартира где-нибудь в Ебеньях, реже – свалка, заброшенная стройка, словом, тихое и безлюдное место. Там нужный человек передавал ей пакет с дозой героина, реже это были легкие наркотики, за которые платили, впрочем, меньше. С этим пакетом она и отправлялась по нужному адресу – на квартиру или в наркопритон, а иногда в такие же ебенья, что и до этого. После того как менты накрыли в одном притоне крупную партию порошка, его стали держать мелкими порциями и в разных местах, а курьеров за ним посылали каждый раз разных. Таким образом появилась сложная и разветвленная сеть наркоторговли, частью которой стала теперь и Настя. В своей так называемой «наркоуниформе» – белой с черным спортивной куртке с капюшоном и вечных своих мини-юбке, колготках и черных туфлях на шпильках – она проходила в день по несколько километров, и не привыкшие к таким прогулкам ноги у нее к вечеру жутко болели. Но деньги свои она получала, довольно приличные, и это позволило ей снова жить прежней жизнью. От родителей она, разумеется, скрывала такой источ-

ник дохода, матери говорила, что живет на сэкономленные ранее деньги. Не подсев на иглу и вообще ни разу в жизни не попробовав ни одного наркотика, она тем не менее была одним из самых удачливых в городе наркокурьеров. В какие только места ей приходилось порой прятать дозу, чтобы ее не нашли!

– Ну да, от моих доз потом многие умирали, – говорила она в ответ на упрек в ее ремесле, – ну и что такого? Сами же виноваты. А мне наплевать – я и так уже убийца, что мне за дело до каких-то нариков, которых я даже не знаю?

Однажды она шла на очередное задание – несла дозу банде «спайсовщиков» в *** переулок. Дозу она, согласно ее собственному методу, спрятала внутри сигареты в пачке. Несмотря на свои обычные сексуальность и привлекательность, вид у нее был какой-то особенный, деловой, так что даже когда она заходила в узкие переулки и темные подворотни, встречавшиеся ей любители легкой наживы смотрели на нее сначала с вожделением, но затем, смутившись ее гордым видом, уступали ей дорогу и провожали завистливыми взглядами. И вот, практически в двух шагах от цели, под мостом, между его опорами, разрисованными яркими граффити, ей навстречу попались двое ментов. Оказались ли они здесь случайно или же специально выслеживали ее или нариков, так и осталось неизвестным. Но дальше случилось то, что потом вошло в наркоманские городские легенды как «метод Настьки».

– Добрый день, девушка. Документы будьте добры, – обратился к ней старший.

– Да пожалуйста. А в чем, собственно, дело? – спросила Настя, подавая взятый на всякий случай паспорт. Не удостоив ее ответом, мент принялся рассматривать документ, а его напарник меж тем бесстыдно оглядывал с ног до головы саму девушку. Ничуть не смутившись, Настя вытащила сигарету и закурила. Руки у нее при этом почти не дрожали.

– А ну-ка брось сигарету! – приказал младший. После того как она нехотя выполнила приказ, последовал новый: – Карманы выверни!

Пока она выворачивала карманы, старший мент вернул ей паспорт и укоризненно произнес:

– Что же вы, Анастасия Викторовна, так легкомысленно одеваетесь-то? Здесь ведь такой район – изнасилуют только пока.

Настя в ответ только пожала плечами. Второй мент тем временем осмотрел вещи из ее карманов: пачку «Kiss»-а, зажигалку, ключи и деньги, но ничего подозрительного, естественно, в них не увидел. Настя привычно зажгла вторую сигарету. Надо сказать, тут она сильно рисковала: если бы от волнения она случайно вытянула из пачки сигарету с дозой, все сорвалось бы.

– Я кому сказал, сигарету брось! – повысил голос второй. Все так же пожимая плечами, она как бы невзначай растегнула куртку, показав томно дышавшую под обтягиваю-

щей майкой грудь. Старший мент заморгал, младший же, по непробиваемости явно сравнимый с Вадимом, только скрипил губы.

– Так я могу идти? – так же томно и вместе с тем нетерпеливо спросила Настя.

– Ладно, – махнул рукой старший, – идите. И поосторожней тут.

– Подожди-ка, – придержал ее за локоть второй, – а что это тебе там, – он кивнул в сторону *** переулка, – понадобилось в таком наряде? По вызову небось работаешь?

Его напарник, увидев, что Настя прикуривает третью сигарету, махнул ему рукой:

– Ладно, пошли. Она точно не по нашему профилю, я же вижу.

Спустя несколько минут она, постучав условным стуком в калитку старого дощатого забора, вошла на огороженную им территорию, где стоял ветхий одноэтажный домик. Это и было логово «спайсовщиков». Встретил ее длинноволосый парень, мало, впрочем, похожий на животное, о чем постоянно твердила социальная реклама. Однако признаки зависимости были налицо: как только парень увидел дозу, руки у него в радостном предвкушении задрожали.

– Почему так долго? – спросил он, отдавая Насте деньги.

– Тут рядом менты ходят, – ответила она, – вам бы лучше хату сменить.

Ничего на это не сказав, «спайсовщик» направился внутрь

дома, где его наверняка ждала целая компания ему подобных. О курьерше и о том, что к ним в любой момент могут ворваться менты, он в своем предвкушении явно позабыл. Настя же, выйдя на улицу, внезапно осознала, каким опасным делом она занимается. А ведь менты могли ее просто повязать, если бы заметили что-то подозрительное, или, не дай бог, стали бы проверять сигареты в пачке. Загреть в тюрьму за наркотики – ужаснее вещи она и представить себе не могла. Ладно бы еще за то, давнее убийство, но за это... Именно поэтому она вскоре отказалась от такой опасной работы. Сделать это, понятное дело, было не так просто, однако и тут она справилась на удивление отлично. Просто перестала отвечать на звонки и сообщения с заказами, а когда один из «нанимателей» внезапно явился к ней в квартиру и начал угрожать расправой, если она не вернется на работу, она отделалась от него каким-то своим особенным методом, изобразив соблазнительность и одновременно неприступность. После этого шокированный наркоторговец ушел, и к ней больше никто не приставал. Однако она понимала, что долго без денег не протянет и что нужно срочно искать какой-то новый способ заработка. И тогда-то она решилась на то, на что никогда бы прежде не согласилась – на *секс за деньги*. Вот только с поиском клиентов у нее поначалу были проблемы. В ночные клубы она бы теперь ни за что не пошла, а выходить на трассу или в темные переулки было вдвойне опасно – она рисковала нарваться и на ментов, и на манья-

ков. Искать же клиентов в Интернете она не могла просто потому, что была как никто другой далека от него и в этом [как ни неприятно мне об этом говорить], пожалуй, могла сравниться разве что с моей бабушкой. Даже компьютера у нее дома не было. Да и с самими клиентами после их нахождения могли возникнуть проблемы. Насте приходилось слышать истории о том, как некоторые типы, приводившие проституток к себе домой, оказывались маньяками и забивали девушек до смерти или же силой удерживали у себя. В конце концов она снова воспользовалась старыми связями (предполагаю, что без Евы тут не обошлось) и нашла проверенного клиента. Им оказался мужчина лет сорока, у которого жена уехала с детьми в Египет и который в такие дни любил развлечься по полной. Итак, Настя, вместе с привычным ником «Аня» примерив на себя новый образ (даже одежду она в этот раз надела совсем другую, чтобы, как ей казалось, больше походить на настоящую шлюху), поехала к клиенту в Ебенья и провела с ним целую ночь. Когда она проснулась на следующий день, было уже за полдень и солнце ярко светило в распахнутое окно. Толик (так звали клиента) уже проснулся и ушел в душ – слышался звук льющейся воды. Вскочив с кровати, Настя принялась натягивать колготки, боясь, что кто-нибудь из семьи клиента внезапно вернется и застанет ее в таком виде. И тут на нее нахлынули такая тоска и горечь, что к горлу невольно подкатила тошнота – так мерзко стало ей при одной мысли о том, *что* она сотворила этой ночью.

«Я продажная тварь, шлюха, нет, я хуже, – со злостью подумала она про себя, – как только я могла так опуститься?» Тут взгляд ее случайно упал на бумажник, оставленный Толиком на самом видном месте на столе. Первой мыслью было плюнуть на все и уйти, не взяв денег, но мысль о новой неделе голодания заставила-таки ее передумать. Открыв бумажник, она увидела там огромные деньги – что-то около нескольких сотен баксов. Она запросто могла взять сколько угодно, – Толик вряд ли бы заметил, ведь у него явно было еще больше, да и на секс он, судя по всему, денег не жалел, – но, поступив честно (иначе и быть не могло), она взяла только причитавшуюся ей сотню и, одевшись полностью, быстро свалила из квартиры. Дальнейшую сцену я вам уже описывал.

Пару недель спустя после того инцидента с Толиком, рано утром, когда Настя, по обыкновению, еще крепко спала, к ней в дверь позвонили. Недоумевая, кто бы это мог быть, она, тем не менее, открыла. На пороге стояли двое совершенно незнакомых ей мужчин в кожаных куртках и с низкими выпуклыми лбами.

– Анастасия Викторовна?.. – поинтересовался один из них и, не дождавшись ответа, сунул ей в лицо красную корочку. – Вы подозреваетесь в убийстве.

Оказалось, что ее сосед снизу, тот самый, что курил на лестничной клетке в день убийства, внезапно (а может, и

нет) вспомнил, что в тот день она шла к себе с парнем, похожим на убитого Максима. А когда в полицию вызвали сестру Максима и ее подруг, те дружно подтвердили, что именно с этой девчонкой он тогда уходил с дискотеки. Словом, дела теперь были хуже некуда.

Все это поведал мне Стас в один из погожих июньских дней, когда мы с ним случайно пересеклись в городе и зашли в кафешку перекусить и поболтать о том о сем. Я слушал его с замиранием сердца, не смея перебить.

– И что же теперь будет? – спросил я, как только он сделал паузу, чтобы отхлебнуть кофе.

– Через неделю суд, – ответил он как ни в чем не бывало.

– И что?.. – задыхаясь от волнения, вымолвил я. – Ты уже знаешь, что там?..

Стас только пожал плечами:

– Приходи, если хочешь. Сам все увидишь.

В назначенный день я, естественно, пришел к зданию суда. Народу там было полным-полно, корреспонденты и телеоператоры с камерами прочно заняли позиции у дверей, и с великим трудом мне удалось протиснуться внутрь. Вспышки фотокамер слышались повсюду, в зале я также увидел многих знакомых людей. Но самой подсудимой, то бишь Насти, не было видно, толпа загораживала ее от меня. Но вот все разом стихли: в зал вошла судья. Последовало короткое «Всем встать, суд идет», затем стандартное чтение по бумажке: «Слушается дело такое-то...», и вот, все расселись по ме-

стам, и я наконец-то увидел Настю. Без своей обычной косметики и в простой голубой толстовке она, тем не менее, выглядела по-прежнему красивой, более того, была просто прекрасной и сквозь стальные прутья взирала на собравшихся вокруг гордым и независимым взглядом, совсем не скрывая этого. В одном из передних рядов я увидел ее родителей. Они не отрывали от дочери взгляда, она же, наоборот, смотрела на кого угодно в зале, но только не на них. Увидев меня, она кивнула, и я, как мог, ободряюще улыбнулся ей в ответ.

Заседание началось. После донельзя банального зачитывания обвинения, выступлений адвоката и прокурора, которые вы себе вполне можете представить, если хотя бы раз смотрели телешоу про суд, начали вызывать свидетелей. Явились сестра Максима и ее подруги, потом сосед Игорь, охранник из клуба, и все подтвердили, что подсудимая ушла с убитым из клуба и после с ним же вошла в тот самый дом, возле которого было потом обнаружено тело. Последним вызвали Стаса.

– Скажите, свидетель, где вы были 23-го мая, с двух до трех часов ночи? – спросил его прокурор.

– Дома я был, – ответил Стас, почему-то опустив глаза.

– Почему же тогда утром, примерно в семь часов, когда сотрудник полиции вошел в квартиру подсудимой, вы были там и к тому же сообщили, что всю ночь находились с подсудимой в клубе? – продолжал обвинитель.

У меня внутри все похолодело. Стас молча глядел куда-то

в сторону, затем резко перевел взгляд на Настю. Она смотрела на него отчаянным взглядом, но молчала. Я ожидал, что она вот-вот сорвется, крикнет ему что-то вроде: «Стас, ну скажи ты им!», но тут вдруг Стас резко вскинул взгляд на судью.

– Ваша честь, я хочу сделать признание, – громко и отчетливо произнес он. – Она здесь не при чем. Это я его убил.

На секунду в зале воцарилась тишина. Затем репортеры с удвоенной скоростью защелкали фотоаппаратами, а люди в зале принялись громко перешептываться. Я отчетливо услышал, как какой-то парень впереди меня сказал на ухо подруге: «Явно заранее договорились».

– Хорошо, свидетель, – совладав с собой, заговорила судья, – расскажите нам, как это произошло.

Стас небрежно дернул правым плечом.

– Ну, как... Настя позвонила мне около трех, стала кричать, что ее насилуют... Мы ведь с ней старые друзья, еще с детства, в одном доме жили... Все, видимо, быстро случилось, этот урод, как только они в квартиру зашли, сразу стал с нее одежду сдирать, на кровать валить... Она только мой номер успела набрать и в трубку крикнуть... Ну, в общем, я тут же примчался, а он ее уже того... приходит воя... Ну, я его на пол повалил и давай душить... Потом опомнился, да поздно уже было...

– Подождите, свидетель, – вмешался прокурор, – почему же на половом органе убитого были обнаружены гематомы?

Вы его что... били все-таки?

– Настя сопротивлялась, – не моргнув глазом ответил Стас, – пока он ей присунуть пытался, урод... Убил бы его еще раз...

В зале снова повисла тишина, нарушаемая лишь щелчками фотокамер. Наконец судья, сглотнув комок в горле, произнесла:

– Хорошо, свидетель, допустим. Но почему вы об этом не говорили на предварительном следствии? Почему решили об этом рассказать только сейчас?

– Я думал, все на самооборону спишут, – хмуро глядя на Настю, ответил Стас, – или на аффект... А тут вот... Но она ведь все может подтвердить. Насть, скажи, ведь так все было?

Настя смотрела на Стаса чуть округлившимися глазами, но взгляд их был спокоен. Губы ее чуть приоткрылись, словно она хотела что-то сказать, но она промолчала. И, честно говоря, я бы удивился, если бы она что-либо сказала, иначе это была бы уже не та Настя, какой ее все знали. Своим обычным, гордым и независимым и в то же время благодарным взглядом она смотрела на Стаса, лишь изредка снисходительно постреливая глазами на остальной зал. И в этом ее взгляде, в торжественно-напряженном молчании Настя была вся как она есть.

Весна в городе дышала ароматом цветущей сирени, кото-

рый смешивался с поднимавшейся с асфальта пылью. Светило солнце, и все цвело и радовалось, несмотря на лужи, брызги из-под колес и налетавшие временами порывы холодного ветра. Банально звучит, конечно, но должен же я был как-то начать эту главу, ну и заодно передать вам атмосферу того дня.

Стуча каблуками, Настя шла по дорожке к родному дому, в котором она не жила уже давно, но который был по-прежнему ей дорог, и с которым, как и с двором, были связаны многие ее детские воспоминания. Гулянки с компанией и со Стасом, выпивки, попытка самоубийства, Светка... Ни о чем этом Настя, конечно же, не думала. Впервые за долгие дни затворничества она надела свою привычную одежду, и только это ее по-настоящему радовало. Пройдя под чередой зеленых раскидистых лип и тополей, до которых ей, конечно, не было никакого дела, кроме опасения, что оттуда на нее может свалиться клещ, она свернула к своему подъезду, возле которого на скамейке сидела ее мать с детской коляской. Ее малышу Кириллу совсем недавно исполнилось два года.

– Привет, мам, – поздоровалась Настя.

Не отрывая взгляда от коляски, мать кивнула и прижала палец к губам:

– Тш-ш! Только что заснул.

Настя присела рядом с матерью, привычно положив ногу на ногу, и стала любоваться качавшимся в коляске младенцем. Даже Олежка в свое время не казался ей таким ми-

лым, возможно, потому что у него не было таких красивых пушистых ресниц и пухлых румяных щечек, а еще потому, что перед ней сейчас был ее братик, ее родная кровь. Глаза у него были совсем как у матери и у нее самой, а редкие русые волосы и носик – как у дяди Леши, биологического отца. Узнав о беременности тети Лены, Настин отец, хлопнув дверью, ушел из дома, и с тех пор не возвращался. Когда же тетя Лена пошла со своей обузой к дяде Леше, тот стал отмахиваться от нее, уверяя, что это не его ребенок, и в конечном счете выставил за дверь. С тех пор она растила Кирилла одна.

– Меня теперь соседи, когда встречают с коляской, – поведала мать, – спрашивают: «Это ваш внук?» Я говорю: «Нет, сын», они так удивляются. Видишь, Насть, уже все ждут, когда ты замуж выйдешь. Двадцать лет как-никак.

– Мам, слушай, если тебе одной неудобно, я ведь могу вернуться, – предложила Настя. – А то я же вижу...

– Да нет, Настенька, не надо, – слабо улыбнулась мать. – Я знаю, тебе без меня лучше. А с Кирюшкой сидеть – столько сил и нервов надо, ты даже не представляешь. На квартиру твою у меня на ближайший месяц деньги еще есть, потом, я ведь скоро на работу вернусь. А с Кирюшкой посидеть найду кого-нибудь, вон хотя бы тетю Таню, помнишь ее? Она все равно сейчас без работы.

– Как хочешь, мам, – сморгнув слезу, ответила Настя и привычно достала сигарету с зажигалкой.

– Настенька, пожалуйста... – умоляюще прошептала мать, кивнув на Кирюшку.

– Прости, я забыла. – И, сжав в ладони незажженную сигарету, она склонилась над ребенком и принялась покачивать коляску. Двадцать лет... Могла ли она в том далеком, оставшемся где-то в другой вселенной детстве вообразить, что в этом возрасте, в котором обычно девочки выходят замуж и рожают детей, она будет с сигаретой в руке качать в коляске чужого ребенка, который, к тому же, будет ее родной кровью, ее всегдашней мечтой? Здесь, под темно-зеленой листвой шумящих деревьев, хмурым, клонившимся к дождю небом и серой громадой дома, она почувствовала себя несчастной и счастливой одновременно. И в то же время, быть может, впервые в жизни, по-настоящему ощутила себя частицей этого огромного, прекрасного и при этом шумного и суетливого мира...

...Когда Настя возвращалась к себе, полил мелкий дождик, напомнив ей тот день, когда она, так и не дождавшись Олесю, шла домой из торгового центра. Однако выглянувшее из-за туч солнце светило по-прежнему ярко и радостно, прохожих на улице, среди которых также было много мам с детскими колясками, не убавилось, но настроения Насте это не подняло. Войдя в квартиру, она усталым жестом откинула волосы со лба назад и села на пол, прислонившись спиной к дверному косяку. Посидела так минут десять, глядя в по-

толок и прислушиваясь к звукам в пустой квартире (ну вот, все, кто могли, покинули ее), а затем встала и [здесь бы вполне подошла песня «Nothing hurts now» из игры «Dreamfall»] направилась в спальню и там, рухнув ничком на кровать, впервые после той аварии, в которой погиб Денис, по-настоящему заплакала.

Когда она оторвала лицо с размазавшейся по нему косметикой от подушки и сквозь туман в глазах оглядела комнату, ее заливал яркий солнечный свет. Но он не принес Насте радости, как это бывало в детстве, наоборот, нагнал еще более грустные мысли.

«А ведь маме я теперь совсем не нужна, – мелькнула внезапно одна из таких мыслей, – какое ей там, ведь у нее же теперь... Да она теперь запросто может войти сюда и убить меня... Да, да, вот так просто прикончить, задушить этой самой подушкой, за все то, что я с ней сделала за все эти годы, что я сделала в последние дни...» Она живо вообразила, как мать входит на цыпочках в ее комнату, пока она спит, и тихо, аккуратно душит ее подушкой, а потом так же аккуратно уничтожает все следы своего пребывания в квартире и так же тихо, на цыпочках уходит. «И мое слабое сердце окончательно перестанет биться, а потом врачи в морге станут вырезать из моей груди насквозь прочерневшие легкие», – с горечью подумала Настя. Потом она осознала, что уже больше года у нее ни с кем не было секса. Да что там секса – любви вообще никогда не было. Со Стасом тогда была совсем не любовь,

не романтика двух повязанных на крови, а так, обычная ебля, из его жалости к ней. Она вспомнила в подробностях ту роковую ночь, и ее всю от ужаса передернуло. Господи, что же она натворила! А Стас! На что он пошел ради нее...

«А ведь Кирюшка еще совсем мелкий, – внезапно подумала она, – и ничего еще не знает об этом мире. Когда-нибудь он вырастет и узнает о своей беспутной сестре... которой к тому времени уже не будет в живых...» (она понимала, что умрет, просто потому что была явно не из этого мира, и скоро он должен был расстаться с ней). Вот ведь странно: она и правда всегда мечтала о младшем братике, но теперь, когда он появился, всей душой возненавидела и его, и мать, и весь мир вокруг. Быть может, она сама так сильно изменилась?..

Эта весна и меня изменила: во мне что-то поднялось, я почувствовал себя легче, свободнее, и даже осточертевший городской пейзаж наполнился той самой романтикой, которую я ощущал три года назад. И все-таки я был несвободен, связан городской суетой и повседневной рутинной. А город вокруг меня продолжал жить своей обычной, шумной и деловой жизнью, в то же время дыша атмосферой весны, романтики и близости теплых солнечных деньков. В один из таких дней, спеша по делам, но мысленно уносясь вдаль от этой рутины, я случайно встретил Настю. Я даже не помню, в какой момент я осознал, что это именно *она* – так я был за-

нят своими мыслями и так она была непохожа сама на себя. Если прежде в городском потоке прохожих она явно выделялась из толпы и какой-то незримой чарующей магией приковывала к себе взгляды, то теперь она просто слилась с этим шумным стереотипным потоком, растворилась в нем, стала его частью. Я понял это, когда внезапно заметил ее, перебежавшую дорогу перед джипом и нырявшую между мамочкой с коляской и какой-то старушкой в свой подъезд. Действительно, я ее сначала не узнал: она была в белой куртке, джинсах и кедах (благодаря которым я понял, какого невысокого роста она была, а ведь все уже отвыкли видеть ее без каблуков), с сумочкой на изгибе локтя [совсем как тогда, при встрече с Олесей], и только черные волосы и бледное лицо были все теми же, по которым ее было невозможно спутать с кем-то другим.

– Настя! Это ты? Подожди! – крикнул я отчаянно, когда она уже скрывалась в подъезде. Она на секунду обернулась и, видимо, узнала меня, но лишь мотнула головой и побежала дальше. Я подскочил к двери подъезда, которая, к счастью, еще не успела закрыться, и, придерживав ее, кинулся следом за Настей вверх по лестнице. Без каблуков она смогла бы запросто убежать от меня, но ее слабое сердце и долгое отсутствие каких бы то ни было тренировок позволили мне догнать ее уже на втором этаже. Я лишь легонько тронул ее за плечо. Она резко обернулась, и в глазах ее отразилось какое-то нечеловеческое страдание.

– Настя, ну что такое? Ну перестань, все уже закончилось... – залепетал я бессвязные фразы, сам не понимая, зачем это говорю. Она резко отвернулась, словно хотела сказать: «Отстань, ты все равно не поймешь». Так мы стояли около минуты: она – отвернувшись и словно совсем не замечая меня, я же во все глаза смотрел только на нее. И время вокруг нас словно бы остановилось. Потом вдруг где-то наверху хлопнула дверь, и Настя, словно бы очнувшись, посмотрела на меня и произнесла бесцветным голосом:

– Идем ко мне. Здесь слишком шумно.

И вскоре мы с ней уже сидели за кухонным столом в ее маленькой, но довольно уютно выглядевшей квартире и разговаривали, просто как пара давно знакомых и долго не видевшихся людей. Я даже не пытался напомнить ей о счастливых летних днях в деревне, о наших совместных прогулках, о встречах и о многом другом. Я просто рассказывал, а она молча слушала. Говорил я обо всем, что приходило в голову, чем я жил последние дни до этого. Не знаю, понимала ли она меня и было ли ей это интересно, да это было и неважно. Перед ней я раскрыл свою душу, как не открывал еще ни перед кем за всю жизнь. И выпив уже пять чашек чая, который тогда по счастливой случайности нашелся у нее дома, я продолжал говорить. Она же сидела, так и не притронувшись к своей чашке, и лишь, смотря в стол, поигрывала ярлычком от чайного пакетика. Когда же я, чувствуя себя совершенно счастливым, повернул голову и взглянул в окно, то увидел,

что там давно стемнело, и только фонари да окна домов светились красивым завораживающим светом. Только тогда я понял, что абсолютно забыл о работе, на которую спешил, и что начальник теперь меня точно уволит. Но, как ни странно, меня совсем не беспокоила эта мысль. Все-таки я решил, что не стоит больше злоупотреблять гостеприимством, и встал из-за стола.

– Ну ладно, засиделся я у тебя, – произнес я донельзя банальную фразу, – пойду, пожалуй. Спасибо за чай.

Она вдруг вскинула на меня полный жалости взгляд, который теперь, казалось, говорил мне: «Не уходи» так же явно, как тогда, на лестнице, говорил: «Уйди, оставь меня». И по одному этому взгляду я мгновенно понял, что мне просто необходимо было остаться...

...Как вам описать ту ночь, одну из лучших в моей жизни? Скажу просто: она была таинственно-нежной, романтической и тихой, а Настя таяла словно лед от моих прикосновений и была не той роковой и страстной натурой, какой я всегда привык ее себе представлять, а, наоборот, нежной и сладкой и как будто бы созданной для неги и ласк. Словом, это была для меня лучшая ночь из всех проведенных с кем-либо. И, честно говоря, я совсем не ожидал, что она окажется именно такой...

Уже под утро, когда за окном забрезжил рассвет и все окрасилось в нежно-серые тона, я сидел на кровати и оде-

вался. Настя, в белой ночной рубашке (в ту ночь она совсем не курила), дотронулась до моего плеча.

– Ты уже уходишь? – едва слышно спросила она.

Застегнув последнюю пуговицу на рубашке, я повернулся и поцеловал ее чуть пониже левого уха.

– Я мог бы остаться, – так же тихо прошептал я, – но, поверь, мне надо идти.

– Да нет, я понимаю. – Она снова легла, облокотившись на подушку. – Иди, конечно. У тебя *там* своя жизнь.

И да, она была права. Жизнь *там* и жизнь *здесь* были совсем разными. Я это понял, когда выходил из подъезда в холодный и в то же время загадочно-атмосферный (совсем как тогда, три года назад) сумрак утра и, подняв голову вверх, в светлое небо, увидел ее, Настю, которая, по-прежнему в ночной рубашке, махнула мне с балкона. И, честное слово, я многое готов был отдать, чтобы уходить и возвращаться каждый день в этот подъезд и чтобы каждый раз она вот так же махала мне сверху. Но я знал, что этим мечтам не суждено было сбыться, и продолжал жить своей обычной повседневной жизнью.

Я не знаю дальнейшей судьбы Насти.

Быть может, это и к лучшему.

2015 – 2016, март

P.S. Не мог удержаться и не описать картину, постоянно стоявшую перед моим мысленным взором во время повествования, картину-отблеск далеких воспоминаний из моего счастливого деревенского детства.

Моему детскому взору предстает величественная панорама: над забором и палисадником возвышается старинный и потемневший от времени дом с таинственным чердаком, на котором, кажется, до сих пор обитают привидения, а в древние бабушкины сундуки лучше лишний раз не заглядывать. И все же этот дом неумолимо тянет меня к себе, и я, поддавшись искушению, срываюсь с места и перебегаю дорогу. Однако справа, от соседского дома, где сегодня какое-то радостное событие, на меня мчится машина. Я ускоряюсь, однако и она летит на всех парах. И все же каким-то чудом я успеваю перебежать и оказаться в безопасном месте. Когда же я бегу обратно, по дороге мчит вторая машина. На этот раз она должна неминуемо сбить меня, но и тут мне везет: я вновь оказываюсь на своей стороне целым и невредимым. Детская душа полна беззаботности, и вечные вопросы ее совсем не волнуют. Краски же дня медленно меркнут, он склоняется к уютному и теплому вечеру с посиделками на веранде, огоньками во тьме и непередаваемой атмосферой романтики.

P.S.S. А все-таки у того чая был довольно странный вкус.